

НЕ КОПИРОВАТЬ

# СКИФЫ

## сборникъ

15

1917

# АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

## Жезлъ Аарона.

(О словѣ въ поэзіи).

*Смыслъ въ здравомъ смыслѣ.*

Нѣкогда всѣ слова были значимы; то есть: были со смысломъ; реализмъ слова въ смыслѣ; смыслъ же слова не связанъ съ предметностью; смыслъ—„предметъ“, не ощущаемый пальцами, не имѣющій цвѣта и не имѣющій звука, безвкусный; онъ—предметъ *sui generis*.

Обыденное взятіе нами звука слова „предметъ“ есть двусмыслица; ассоциируемъ мы его съ материальнымъ предметомъ; материальный предметъ есть сложеніе въ насъ воспринимаемыхъ качествъ; это намъ становится яснымъ позднѣе; преобразуется въ насъ самый взглядъ на предметность; предметъ есть единство многоразличія качествъ; воспріятіе наше его предваряетъ; онъ есть „самъ въ себѣ“: онъ для насъ—„предметъ въ насъ“; въ воспріятіи онъ дается сліяннымъ съ играющимъ моремъ чувствъ, по существу безпредметнымъ; связь предмета и чувства не подвержена сомнѣнію; содержаніе чувствъ расплавляетъ предметности; аллегорія „предметъ чувства“ не выражаетъ собою поэтому содержанія; предметъ мысли и чувства въ сознанії противостоитъ обычному представлению о предметахъ, употребленіе звука слова „предметъ“ по отношенію къ синтезу чувствъ по существу виѣпредметно; образъ мыслей и чувствъ въ насъ течетъ, проявляя себя, какъ движеніе жизни сознанія; существо этой жизни кипѣніе игры; образованіе сознательной жизни вполнѣ уловимы, какъ ритмы кипѣнія.

Порожденія ритмовъ суть смыслы.

Смыслъ—„предметъ“ *sui generis*; смыслъ—предметъ безпредметный; недоразумѣнія коренятся въ неправильномъ приложеніи

звука слова „предметъ“ къ областямъ, виѣлежащимъ предметному миру: и они намъ туманятъ реальное представлениe о существѣ по-знаванья и мысли. Многie промахи философи не возникли бы вовсе, если-бъ звуку слова „предметъ“ во-время отвели бы мы должное мѣсто.

Слово, взятое безотносительно къ смыслу, есть слово пустое, если даже ему соотвѣтствуетъ материальный предметъ. Есть такія слова: очень часто они покрываютъ собой группу терминовъ; и уже этимъ самыи теряютъ они первоначальные, конкретные контуры.

Эти слова не суть термины; но они утеряли уже индивидуальный свой смыслъ; группу терминовъ покрываютъ они обыкновенно случайно; отъ чеканной ясности логики всѣ такія слова далеки; всѣ такія слова далеки отъ первичной миѳической свѣжести живого, народного слова.

Термины—философскія риѣмы; терминологія—поэзія логики; терминологи суть поэты; очень многie пишутъ прозою; не желая поэзіи философи, не желаютъ они и поэзіи собственно; называются они философское творчество особаго рода болѣзнью; и они же не вѣрятъ тому, что первичная поэзія слова пульсируетъ смыслами молодого, живого сознанія, о которомъ забыли они, или котораго не достигли.

Обыденная философія отскочила въ „паническомъ“ ужасѣ отъ метафоры; и потомъ на метафору наложила узду аллегоріи; а поэзія пошлага слова проявляетъ „панический“ ужасѣ передъ критическимъ смысломъ, отрѣзая отъ смысла себя провозглашеніемъ себя, какъ „нутра“.

Наша рѣчь потеряла свой смыслъ; quasi ясное слово полно химерическимъ содержаніемъ; это пляска тѣней, завлекающихъ въ эфемерный [свой міръ, въ неживую механику звуковыхъ повтореній, очень позднихъ и нарочито составленныхъ; тѣло и слово здѣсь умерли; еле дышутъ одни окончанія—„стъ“ или—„из мъ“,—окончанія, намекающія на какія то блѣдныя иллюзіи смысла.

Логики нашему здравомыслю нѣтъ: въ немъ нѣтъ „логики собственно“. Наша рѣчь, противополагающая себя „неосмысленной“ поэтической рѣчи, для поэзіи—нищенка; „нищенка“ горделиво сбросила съ себя свои ризы, ставъ логически неосмысленной рѣчью, а поэтически безсмысленной вовсе; „здравый смыслъ“ нашей рѣчи—абсурдъ для поэзіи; и—невнятница въ логикѣ; логикѣ современныхъ философовъ просто нечего дѣлать съ понятіями, въ которыхъ течеть наша жизнь; мы говоримъ: реал-из мъ, мистиц-из мъ, религіозно-сть, логично-сть и при помощи эсъ-тэт-ерь превращаемъ конкретное слово въ абстракцію; всѣ абстракціи—вытяжки изъ звучащихъ и красочныхъ словъ; удовлетворяютъ, быть можетъ, онѣ элементарнѣйшимъ разсу-

жденіямъ объ общихъ и частныхъ понятіяхъ; приставляя абстрактныя окончанья къ словамъ, подмѣняемъ мы логику очень смутнымъ процессомъ произнесенія мнѣній; мышленіе при помощи такихъ словъ—суррогатно, разъ теченію словъ не соотвѣтствуетъ теченіе смысла.

Произнося звуки словъ, мы вызываемъ ассоціацію, обращенную къ памяти о какихъ либо господствующихъ философскихъ или научныхъ тенденціяхъ; напримѣръ: „еволюція“ всплываетъ въ сознаніи нашемъ, какъ дана она Спенсеромъ; но по мнѣнію одного изъ философовъ „еволюція“ Спенсера—выраженіе порочнаго круга; то есть: она отрицаєтъ себя.

Все это насть не заботить: произнесенъ звукъ слова мысли,—мы его считаемъ за мысль.

Подмѣняя именемъ мысли индивидуально текущую мысль, предполагаемъ мы въ собесѣдникѣ одинаковый смутный процессъ вызванія гдѣ-то усвоенной мысли; если бы разобрать, что встаетъ въ насть при этомъ, какъ смыслъ, мы поймали-бѣ въ себѣ повтореніе популярнаго мнѣнія; наша бѣдная блѣдная мысль произноситъ звукъ слова, не мысля.

Мышленіе нашихъ дней—въ именованіи, въ произнесеніи абстрактнаго и некритичнаго слова; оно для насть докторъ; а туманный процессъ усвоенія словъ есть отдача какому нутряному процессу: сваренія пищи; отправление физиологическихъ функций—не мысль; возведеніе этого процесса до мысли—заливъ мозга желудочнымъ сокомъ: „нутро“; совершается насилие надъ мыслю въ абсолютизмѣ „нутра“, бронированномъ какимъ либо случайно услышаннымъ докторомъ; докторы въ насть растутъ, какъ грибы, вытѣсняя изъ мозга ритмъ подлинно мысли и обращая его въ ассоциативную отрыжку сознанія; динамизъ мысли падаетъ; мысль впадаетъ въ сонливое состояніе: она не мыслить, а варить; результатъ сваренія—отбросъ: предметность понятія (въ динамизѣ мыслительной жизни оно—безпредметно); таковое понятіе—гетерономно всегда; оно—„для чего либо“; „что либо“—материальное условіе жизни.

Такъ рождается здравый смыслъ.

### Слово.

Слово-терминъ и слово-образъ по существу въ насть не живы; поэтическій и критический смыслы раздавлены предметнымъ понятіемъ. Наша рѣчь напоминаетъ сухія, трескучія жерди; отломанныя отъ древа поэзіи, превратились онѣ въ палочные удары сентенцій;

наше слово есть жезль, не процвѣтшій цвѣтами; оно было мудрою и живою змѣй; но змѣя умерла.

Смысль народнаго слова—внутри звука корня; нѣкогда принималъ этотъ смыслъ многообразіе очертаній и жестовъ въ мнѣ гообразіи внутреннихъ своихъ измѣненій: въ перебѣгѣ приставокъ и окончаний; въ абстракціи, возлежащей на словѣ, не явленъ онъ: онъ—внутри.

Абстракціи покрываютъ корою жизнь слова.

Превращеніе „змѣи“ въ сухой жезль есть итогъ надруганій разсудочныхъ сатировъ надъ дріадами слова; изъ подъ короста отложеній порою бѣть снова наружу живой, былой смыслъ; мертвый смыслъ отпадаетъ каркасомъ отъ остро ожившаго слова, язвящаго жаломъ своихъ звуковыхъ сочетаній, глубоко осмысленныхъ для себя и поражающихъ „здравый смыслъ“; звуки слова сбиваются наросты абстракціи съ корня; возстаніе къ жизни словеснаго корня подъ каменнымъ гробомъ абстракцій начинается нынѣ уже; но еще въ голомъ бунтѣ корней нѣтъ конкретно-разумнаго смысла.

Отношеніе звука къ абстракціи—отношенія луны и земли: и луна, и земля суть разломы единаго тѣла; и есть земность луны; но привыкли мы видѣть луну ослѣпительной ночью; и безлуненъ для насъ небосводъ надъ дневною землею (днемъ луна—невидимка; или днемъ она—блѣдная).

Смысль и корень—луна и земля; умирание корневого значенія связано съ тверденіемъ мысли, съ приближеніемъ къ предмету понятія; наоборотъ: закричи на насъ корень,—абстракція, какъ кора, отстаетъ. Намъ кричанія корня—ударъ томагавка, сѣкущаго терминъ въ аггломераты звучащихъ беззначностей.

Смысль не связана ни съ корнемъ, ни съ терминомъ: по отношенію къ солнцу луна и земля (смысль абстрактный и корень)—расщепы словеснаго органа; блескъ луны и земли—въ блескѣ солнца; и угасни намъ солнце, угаснетъ земля вмѣстѣ съ днемъ; и угаснетъ луна: ослѣпительный, видимый блескъ нашей логики и цвѣтущія звучности слова—два луча солнца смысла; и понятья, и звуки—не смыслъ; въ нихъ—его излученія.

Проростаніе короста словъ мудрой змѣйностью корня суть цвѣтенія жерди-жезла: слово-жезль, слово-терминъ, какъ жезль Аарона, исходитъ цвѣтами значеній; трезвость логики, не теряя лучей, наливается соками жизни, чтобъ стать древомъ жизни.

Слово-мудрость бѣжитъ по исторіи въ олицетвореніяхъ растительной жизни (проповѣдь подъ смоковницей Будды, проклятие засохшей смоковницы).

Слово мудрость—въ смоковницѣ сочной: въ смоковницѣ жизни.

Попытаемся пережить первобытного человѣка; пребываніе его—въ безымянныхъ мірахъ, въ безымянностяхъ состояній сознаній; безымянное устрашаетъ; отсутствуетъ смыслъ; пробуждаясь во внѣ, онъ внѣ-смыслено утопаетъ въ предметахъ; у него нѣтъ критерія противопоставить предметамъ себя; переживаніе предметовъ, какъ органовъ тѣла, ощущеніе міра огромностью тѣла, ощущеніе себя этимъ тѣломъ—состоянія сознанія этого, если можетъ быть названъ сознаніемъ бредъ бытія; переживаніе идіота подобно описанному.

Пробуждаясь внутри себя—внутрь себя, человѣкъ ощущасть проявлять въ безпредметностяхъ внутреннихъ ритмовъ, какъ въ пульсацию органовъ; внутри пульсовъ имѣеть онъ смутное представленье о времени; состояніе сознанія въ немъ—не человѣческое, а какъ бы червinoе. Мы его утеряли; оно въ насъ живеть за порогомъ.

Пересвѣченіе двухъ бредовъ въ одно, есть первичный генезисъ сознанія въ нашемъ смыслѣ, какъ смутное чувство безсмыслицы; это чувство есть „смыслъ“; онъ—трагедія столкновенія двухъ чудовищъ: тутъ рождается „я есмь я“ въ бредѣ боя безсмыслицы; „извнѣ“, „изнутри“ переживаютъ всѣ ужасы, ненормальность сжатія міра „внутри“ до комочка, давимаго громадной природой; слетаетъ съ души безотчетно.

— Какъ „сюда“ я попалъ?

Въ бредѣ боя безсмыслицы—прѣть міръ „изнутри“, заливаетъ „изнѣ“, отчего внутренности переживаютъ безмѣрное расширение; ощущенія снимаются съ мѣста; кожная поверхность уносится внутрь пульсаций; переживается тѣлесный составъ, какъ безмѣрность внѣ тѣла бушующихъ щупальцевъ: убѣжала дѣйствительность! Все „извнѣ“, внѣ „внутри“ есть ничто: человѣкъ—внѣ дѣйствительности.

Соединеніе въ одно двухъ безсмыслицъ—рождаетъ паническій ужасъ; безумія отъ ужаса, человѣкъ переступаетъ былые предѣлы, создавая иныхъ: рождается крикъ, (запечатлѣніе міра чувствъ въ мірѣ виѣшнемъ); крикъ есть заговоръ; крикъ есть творчество изъ отчаянья и рожденье рѣшимости: одолѣть что бы ни было.

Здѣсь—рожденіе слова и смысла. Слово смысла равно смыслу слова; смыслъ здѣсь дѣйствененъ, жестикуляціоненъ, мимиченъ; жестикуляція крикомъ слова есть творчество выносимаго бытія надъ невыносимымъ, томящимъ: сознаніе необходимости крика слова, какъ смысла,—есть творчество; сознаніе необходимости крика слова, какъ смысла—рожденіе сознанія въ нашемъ смыслѣ; и оно—въ борьбѣ съ чѣрвемъ времени (состояніемъ сознанія „внутри“) и съ шаромъ

пространства (ничего внутри—все во внѣ!); этотъ шаръ становится послѣ „яйцомъ“, изъ котораго вылѣзъ ореический змѣй, Протагонъ.

Переживаются звуки грома; они устрашаютъ.

Воспроизведеніе звука природы гортанью—начало познанія; здѣсь звукъ слова есть щить; здѣсь онъ — толкъ; здѣсь онъ — островъ надѣй безтолочью.

Въ звукахъ слова „г“, „р“ (слова гр-омъ), иль „д“, „г“ (слова Donner) есть извѣстное проницанье природы гремящаго звука: въ приспособленіи гортани, въ умѣніи управлять языкомъ струей воздуха и т. д., въ умѣніи слагать слово—начало науки; душа овладѣваетъ тѣлесностью: ее заговариваетъ.

Звуки словъ—заговоръ.

Корни словъ—результаты творческихъ упражненій въ искусствѣ познанія; они—магія; корни словъ суть умѣніе выражать нутромъ духа стихіи при помощи звука; „філософія тождества“ природы и духа (позднѣйшая філософія Шеллинга)—безсознательная предпосылка сознанія примитивного человѣка; она—его вѣра; этой вѣрѣ обязаны мы самому словесному бытію; філософское отверженіе этой вѣры (напримѣръ, сознаніемъ Канта) привело къ разрушенню вѣры въ слово: отсутствіе вѣры разрушило слово.

Корень—творческий образъ, соединяющій двѣ стихіи (природы и духа) въ единую цѣлостность; цѣлостность двухъ безсмысленно данныхъ частей („внѣ“, „внутри“) есть дѣйствительность; дѣйствительность есть ничто въ познанія; познанье ничто безъ словесности; дѣйствительность есть живое слово о данномъ; данный мірь—недѣйствителенъ; опознаніе въ словѣ его есть впервые созданье дѣйствительности.

Внутренне движенье души сочетается съ пересозданной природой въ частичную форму: въ звукѣ слова; въ звукѣ слова—душа; одушевленіе данного міра въ творимой дѣйствительности невозможно вѣтъ слова; первоначальное слово есть сочетаніе творчества смысла съ познаніемъ данной вѣтъ-смыслицы въ бытіе sui generis; сочетаніе это отражаетъ намъ миѳъ.

Первоначальное слово миѳично.

Примитивная рѣчь продолжаетъ въ искусственной рѣчи свое бытіе: она—корни, въ насть глухо звучащіе; мы настроили надѣй корнями строенія изъ искусственныхъ смысловъ въ чудовищныхъ зданіяхъ позднихъ словъ; убѣжденіе сопровождало насть: корни мертвы; корни живы, но—замерли: они спать въ латарическомъ снѣ; пробужденіе ихъ въ словахъ отзывается въ искусственныхъ смыслахъ—подземнымъ ударомъ; смыслы рушатся, погребая въ обломочномъ мірѣ разсудокъ-гомункулъ.

Примитивное слово живетъ независимо отъ логическихъ и миес-  
тическихъ примышеній; въ немъ—чудо духовности: соединеніе духа  
и плоти въ конкретность эмпирики.

Духовная эмпирика—эмпирей—существо жизни слова: оно—  
инспирируетъ.

Рѣчь корней—поблѣднѣла: въ насть—позднѣйшія развѣтвленія  
первой рѣчи; въ боляхъ роста первичного слова совершаются въ  
словѣ распадъ на двѣ новыя данности, новые виды безсмыслицъ—  
на эстетической, на логической и на магической смыслы; образъ  
рѣчи—душа; имагинація, образованіе жизненныхъ образовъ (смы-  
словъ жизни) въ распадахъ первичного слова,—распалась; смыслъ  
жизни разрушенъ; вмѣсто него отверденѣль міръ понятій, предметовъ;  
образованіе твердаго міра и стылого смысла понятій—образо-  
ваніе новой данности въ мѣстѣ павшей дѣйствительности; преодолѣніе  
данности и опознаніе данности (мертвыхъ терминовъ и кор-  
ней)—преодолѣніе имагинаціи слова при помощи инспираціи  
слова.

Гдѣ путь къ инспираціи?

Слово мы застаемъ въ условіяхъ переходнаго времени, когда  
голосъ ломаясь, становится грубо-мужскимъ, оплотнѣвшимъ и не-  
осиленнымъ. Поэтическая юность метафоры пробивается въ рѣчи  
растительностью аллегорій.

Въ метафорѣ насть встрѣчаетъ сліянье двухъ образовъ въ тре-  
тій; въ немъ нынѣ—трещина.

„Зелено кудрые лѣса!“ Выраженіе это—метафора: здѣсь  
сравненіе двухъ образовъ по общему признаку; здѣсь есть третій  
ихъ смыслъ, метафорический смыслъ, создаваемый передъ нами:  
утверждается бытіе „кудролистія“; листья, кудри суть данности;  
кудролистіе—соединеніе двухъ данностей: дѣйствительность соб-  
ственно; существо жизни дерева—въ немъ: дерево есть дріада.

Такъ любая метафора заключаетъ потенцію миѳа.

Метафора—соединеніе образовъ. Но первыя метафоры—соеди-  
ненія многоразличія звуковъ въ единство: ге, еръ звука слова  
громъ есть не г+р, а звукъ гр, не исчерпывающій своего содер-  
жанія въ суммѣ звуковъ; звуковое единство—не сумма; звуковое  
единство—произведеніе звуковъ; неразлагаемый, синтетической смыслъ  
зарождается въ немъ.

Корень слова—метафора сама по себѣ; и она не нуждается въ  
образномъ поясненіи; корень слова—метафора всѣхъ позднѣйшихъ  
метафоръ, отсюда возставшихъ; и—миѳъ суммы миѳовъ, разцвѣт-  
шихъ изъ суммы метафоръ; корень слова есть корень огромнаго,  
многовѣтвистаго древа значеній, покрытаго неисчислимостью листьевъ—

позднѣйшихъ движеній динамики мысли; соединеніе природы и духа осуществило себя въ непрерывномъ дѣторожденіи; первый смыслъ (корневой) измѣряемъ по образцу и подобію этой первой метафоры; противополагаемъ онъ и безличію духовной стихіи, и мертвой природѣ; смыслъ—демонъ слова, соединяющій смыслы и звуки; у поэзіи съ философіей—одна общая муз: премудрость, Софія.

Корень слова есть первая метафора-миѳъ; въ грамматикѣ и въ эстетикѣ онъ позднѣй себя выразить въ принципахъ строенія словъ, въ звуковомъ эстетизмѣ.

Въ корнѣ словъ уже есть совпаденіе содержанія съ формою: грамматика (форма), эстетика—реальное содержаніе—разовьются позднѣе; дано ихъ единство (слово-творчество звука есть слово-законъ); не-произвольная религія слова необходимо сопутствуетъ его зарожденію (философія тождества Слова и Плоти дана въ фактѣ слова); магія сопутствуетъ слову (оно—заговоръ). Въ аналитикѣ корневыхъ элементовъ заключена позднѣйшая аналитика всѣхъ возможныхъ сужденій; сужденіе a priori въ Кантовомъ смыслѣ есть связь двухъ понятій въ расширенномъ содержаніи; въ корнѣ слова встрѣчаетъ нась многообразіе звуковыхъ элементовъ въ одномъ синтетическомъ звуکѣ.

Корень слова есть сочетаніе множества звуковыхъ элементовъ въ единствѣ; а возможность познанія по Канту—въ возможности покрывать категоріей многообразіе чувственныхъ элементовъ; соединеніе чувственно данного материала съ вѣчно-чувственно-даннымъ единствомъ разсудка совершается при помощи кантовой схемы; ея корни—въ фантазіи.

Трансцендентальная схема у Канта есть парадоксъ; она—соизмѣряющее начало познанія; двѣ половинки сужденія—чувственная и разсудочная—соединяются при помощи схемы; схема у Канта искусственна; она—методъ изображенія понятія въ образахъ. Изображеніе понятія въ образѣ или есть совершенный абсурдъ, или онъ полагается въ самой основѣ сужденія. Кантову схему слѣдуетъ положить вовсе не тамъ, где она положена Кантомъ; схема есть предвареніе самой возможности мышленія; она есть первичная данность, въ которой не можетъ быть еще раздѣльно данныхъ—понятія и предмета; Кантова критика есть лишь методъ щепленія схемы, то есть, образа на раздѣльно положенный міръ категорій и чувственныхъ формъ; только въ такомъ положеніи Кантова схема выноситъ опредѣленіе Канта; въ положеніи ея Кантомъ внутри аналитики она—звукъ пустой. Аналитика Канта вскрываетъ условія возможности составить сужденія; учениемъ Канта о схематизмѣ понятій должно намъ предварять самую аналитику.

Трансцендентальная схема у Канта есть образъ мысли; правильнѣе сказать: она условіе становленія понятій и міра; въ ней—и

мысль въ становленіи; и—предметъ въ становленіи; въ Кантовомъ построеніи понятія и предметы суть „ставшее“; они—продукты процесса. Продуцирующее начало положено Кантомъ внутри міра продуктовъ, какъ одинъ изъ продуктовъ; неудивительно, что ученіе о схематизмѣ понятій у Канта есть тѣнь понятія на предметѣ, или тѣнь предметнаго міра въ безпредметномъ понятіи; между тѣмъ понятія и предметы суть тѣни схемы, которая въ такомъ видѣ не можетъ быть названа схемою собственно, а полнокровнѣйшимъ миѳомъ, условиемъ познаванія.

Познавательный миѳ есть метафора; въ метафорѣ—образъ мысли; ученіе Канта о схемѣ—весьма показательно; необходимость ввести въ міръ сужденій міръ схемъ—показательна; здѣсь въ познаніе вплывлена миѳология; познаніе начинается съ метафорического условія; и—кончается миѳомъ.

Корень слова—метафора всѣхъ метафоръ; и—миѳ миѳологии; въ этомъ смыслѣ же онъ—схема схемъ; въ корнѣ словъ міръ и мысль (міръ предметовъ, понятій) сліянны въ первичномъ единству; корневое слово—начало возстанья дѣйствительности, идеально-конкурентнаго бытія, противопоставленного матеріи и разсудку, двумъ не сущимъ наростамъ на мірѣ и мысли.

И въ началѣ—оно: оно было у Бога.

Въ словѣ данъ намъ логическій смыслъ; данъ и смыслъ звуковой; именованіе—первое явленіе смысла; имя рекъ есть душа всего сущаго; въ имѧтворчествѣ, въ имѧславствѣ—оплодотвореніе Духомъ (Зевесомъ)—природы: дѣти Духа и міра суть: души; эти души—слова. Мы душевны по стольку, по скольку словесны: въ неизрѣченномъ, въ безсловномъ мы воистину вѣдемъ души; или—надѣ, или—подѣ: главнымъ образомъ—подѣ; въ выхожденіи изъ словъ есть опасность и рискъ; выхожденіе изъ словъ настъ обязываетъ къ величайшему напряженію: къ прорыванію оболочекъ душевности; здѣсь—прорывъ души къ духу: разрывъ ея въ духѣ; если въ настъ не исполнится жертва души міру духа, то выхожденіе наше изъ словъ есть начало паденія въ животную безглагольность; умолчаніе, неизрѣченность есть подвигъ рожденія подъ словомъ словъ внутреннихъ и духовныхъ; если молчаніе наше не вопіеть передъ Господомъ своимъ внутреннимъ словомъ, мы въ молчаніи нашемъ становимся изъ людей непрекословными тварями.

Въ изреканьїи названій животному міру Адамъ—уже духъ: онъ воистину вдохновитель природы: струить свою душу, какъ слово живое; слово его, какъ душа, продолжаетъ жить вѣдемъ его.

Именованіе, заговоръ и сотвореніе міра—треякое содержаніе смысла словесности; въ развѣтвленіяхъ позднѣйшаго слова содержаніе намъ дано, какъ три смысла.

Слово—заговоръ и доселъ въ нась живо; номенклатура понятій есть заговоръ противъ... конкретнаго смысла (во имя абстрактнаго смысла), временно мертваго въ нась и звучащаго въ сотрясеніяхъ воздуха, въ механикѣ произнесенія термина.

Смысль научныхъ понятій—въ примѣненіи ихъ, какъ условій опытной техники; въ приборовъ, машинъ, они пусты; логика предполагаетъ материально данный предметъ; слова „атомъ“, „энергія“ не имѣютъ значенія въ реторты, въ колбы, въ холодильниковъ, въ тепловыхъ очаговъ; міровоззрительнымъ, объяснительнымъ смысломъ звучать они намъ. Въ произнесеніи звукосочетанія „атомъ“ для объясненія смысла подмѣняемъ мы логику и поззю ритуаломъ магическихъ заклинаній; парализуемъ мы смыслъ.

Слово—творчество бытія—продолжаетъ въ нась жить какъ метафора; но миѳической смыслъ ея стерть; въ нась теорія (соединеніе THEOS и ORAO)—не видѣніе божества, а лишь нить непроявленныхъ мыслей, туманныхъ и блѣдныхъ.

Слово-собственно—(слово словъ) — какъ единство словесныхъ плотей съ ихъ духовной динамикой продолжаетъ въ нась жить... смысломъ логики.

Смысль логической, смыслъ живой, здравый смыслъ въ нашемъ словѣ расщепы: изъ смѣси поэзіи и абстракцій возникла невнятница стертої рѣчи, „словесность“; торчить непроцвѣтшимъ же зломъ, гдѣ убита „змѣя“ и гдѣ смыслъ механически вбитъ въ нашу голову палочнымъ ударомъ сентенціи, именуемой „мысленіе“.

### *Логика и грамматика.*

Одно́ время развитіе логики было развитіемъ аналитики, расчленяющей жизнь сужденій.

Слово—атомъ сужденій—первѣе понятія; и—первѣе предмета; связь, субъектъ, предикатъ въ немъ—единство, лежащее корнемъ. Но слово не атомъ, а если угодно—молекула, сложенная изъ буквъ звуковъ. Чередованіе пространственно изрекаемыхъ звуковъ во времени, ихъ единство, какъ корень, покрытое смысломъ есть сужденіе *s i g e n e r i s*; протекаетъ оно въ элементахъ сужденія въ нашемъ смыслѣ; формальныя [условія жизни сужденій присутствуютъ налицо: здѣсь субъектъ—корневой материалъ; а предикатъ—ихъ единство, какъ корень; въ звукѣ слова—сужденіе создаванія самаго условія возможности мыслить.

Грамматика—первѣй логики.

Таковы положенья грамматиковъ въ ожесточеніи спора ихъ съ логикой; и таковъ разрывъ филологіи съ философіей слова. Представитель грамматиковъ, Маутнеръ, заключаетъ рѣшительно: такъ какъ логика—отрасль грамматики, то ея въ нашемъ смыслѣ и нѣть; и безсмыслица думать о мысли, что она существуетъ отдельно отъ слова; и логической Логосъ, не—Логосъ, а слово. Обостренія логической школы довели нась до тезиса: мысль не воплотима въ словахъ; словесное выражение мысли ее искаражаетъ; удаѣтъ мысли—молчаніе. Логика противоположна грамматикѣ; для нея смыслъ грамматики теменъ: онъ есть фонетической, алогической крикъ. Въ блѣдной немощи термина, въ футуристическомъ крикѣ продолжается споръ эпикурейской фонетики съ аскезою термина; въ терминѣ—молчаніе слова; въ немъ—юга слова; выразить безсловесность значенія въ словесномъ значеніѣ; здѣсь въ обычное слово положенъ невообразимѣйший смыслъ; таковы понятія познаванія. Въ этомъ взятіи слова, какъ жеста, какъ знака,—вся суть гносеологии; и оттого гносеология есть особое искусство изламывать живой смыслъ; для неспособного къ этому она есть безуміе, о чемъ заявляютъ подчасъ намъ умнѣйшие люди и на что ссылается Маутнеръ; въ футуризмѣ и въ нео-логикѣ утопленъ послѣдній остатокъ конкретнаго смысла; здѣсь—пустая дыра, кое какъ прикрыта хворостомъ общихъ мнѣній ходячаго смысла.

Слово въ словѣ разбито: въ немъ духъ отлетѣлъ; а въ обломочномъ мірѣ корней, кое какъ нанизанныхъ другъ на друга и являющихся немыслимостью сочетаній, разбитое тѣло безсильно закорчилось.

Намъ грамматики не кажутся правыми; грамматика есть абстракція отъ словесности; въ ней подмѣна миѳа застылою формою; будь у насъ разработана теорія слова живого, въ ней полнѣй, непосредственнѣй отразилась бы жизнь слова-миѳа; но такой теоріи нѣть; въ ея мѣстѣ—молчаніе и кое какъ оформленный матеріалъ; осознаніе слова, какъ миѳа, первый осознанія его въ грамматическихъ отношеніяхъ; и первый оно термина; намъ въ грамматикѣ, въ логикѣ слово явлено не вполнѣ, а въ двоякой абстракціи; изъ двоякой абстракціи этой должны мы сложить наше слово о словѣ.

### *Миѳъ о словѣ.*

Человѣкъ погруженъ въ неосознанность буйныхъ стихій неосознаннымъ духомъ; рожденье сознанія—въ словѣ; въ немъ природа и духъ сочетаемы въ то, что уже ни природа, ни духъ въ прежнемъ смыслѣ: въ словѣ явлена намъ духовность природы сознанія;

въ словѣ явлена намъ природа духа въ законѣ; слово-корень—законъ жизни духа въ природѣ; и выраженіе закона—цвѣтущая миѳомъ метафора.

Произволы созданія и вмѣненной законѣ (анархической эстетизмъ и мораль) сочетаемы въ моральной фантазіи; пусть рисуетъ она мнѣ меня самого, пересоздающаго жизнь по образу и подобію мнѣ открытаго лика духовной природы. Этикѣ, обоснованной на законѣ, непонятны бунты моего произвола; но произволу эстетики—кнутъ.

И поэтому для законного слова всѣ звуки природнаго слова—суть фавны; футуризмъ языка здѣсь внушаетъ панический ужасъ. Наоборотъ законѣ, Логосъ, мертвяпимъ морозомъ грозить футуризму; слово-ледъ, слово-пламень, сталкиваясь, рождаютъ лишь паръ да туманъ.

Слово-собственно—невыразимо логически; футуристически еще менѣе выразимо оно; въ футуристическомъ словѣ огонь слова жизни хладнѣеть отъ коростовъ терминологической жизни, обставшихъ фонетику; еще паръ ходячей словести, а не пламень живой поднимается отъ футуризма, не способнаго пробиться наружу сквозь корысты ледянной изѣмоты; футуризмъ есть гримаса на словѣ; подкупаетъ въ ней искренность: вѣришь скрежету футуристическихъ мукъ.

Сущность слова вполнѣ выразима лишь въ миѳѣ—о миѳахъ. Всѣ иные миѳы—произрастанье метафоръ; но есть миѳъ о словѣ; въ немъ, по моему, схвачена символика тайныхъ дѣйствій, текущихъ внутри корня слова. Онъ—слово о словѣ.

Вдохновитель древнаго аркадскаго культа, Гермесъ, есть сынъ Духа (Зевеса) и Маи (природы); человѣка Гермесъ надѣляетъ искусствомъ сложенія словъ, ударомъ словъ объяснять (*hermeneuein*); словесность стоить передъ нами теперь герметическимъ культомъ; съ распространениемъ аркадскаго культа по Греціи—говорить намъ проф. Зѣлинскій—Гермесъ превращается въ дарователя рѣчи-ума; онъ становится Гермесъ-Логіосъ: Коаловидный Пантъ, (слово, жизнь котораго—въ звуковомъ футуризмѣ, внушающемъ ужасъ)—одно изъ гермесовыхъ дѣтищъ; культь Гермеса, далѣе, переходитъ въ Египтъ; первично-рожденное слово возносится въ небо; оттуда, изъ неба, вбираетъ въ себя и природу стихій; претворяется хаосъ въ гармонію Космоса. Здѣсь становится Гермесъ-Логіосъ—три-имяннымъ: Гермесъ-Логіосъ-Космосомъ; въ этомъ Логосѣ-Словѣ находимъ и Нусъ, и весь Космосъ природы: Слово есть теперь Плоть. Въ метафизической абстракціи миѳа рождается философія Логоса; одновременно: и философія логики, и философія слова; культь природнаго слова (т. е. крайности утвержденіи грамматиковъ объ алогичности логики) осуществляеть себя въ низменномъ герметизмѣ. Здѣсь Гермесъ словес-

иости—есть Пуна-Тотъ, Владыка словесъ\*), упадающая въ откровенную магію къ каковой относится химія. По Зѣлинскому химія возникаетъ въ искусствѣ, которому отдаётъ себя египетскій родъ происшедшій отъ смѣщенія людей съ духами; родъ этотъ—Chêma; магія съ алхіміей словъ переплетались уже; переплатаются нынѣ; номенклатура есть магія заклинаній, именованій, а метафора есть эликсиръ жизни слова.

Эстетизмъ, футуризмъ, фетишизмъ научныхъ понятій отражаютъ, варьируя низменный египетскій герметизмъ.

Мудрость высокаго герметизма продолжается нынѣ въ сужденіяхъ о логическомъ Логосѣ. Здѣсь логический Логосъ вступаетъ въ борьбу съ лѣснымъ Паномъ (природою звучного слова). Футуризмъ и логизмъ (звуки словъ, смыслы словъ) примиряемы въ наши дни не возвратомъ къ природѣ первично рожденаго слова и не возвратомъ къ первично рожденому миѳу, а углубленіемъ, обостреніемъ антиноміи словъ до сознанія, что място логики не въ томъ планѣ, гдѣ логика положила свое бытіе, а въ иномъ, болѣе коренномъ,—до сознанія, что звуковая значимость не есть форма гласящаго звука, а—смыслъ его; можетъ быть въ смыслѣ звука и въ смыслѣ конкретно-логическомъ пересъченіе звука и логики явить подземное слово въ дневномъ своемъ видѣ; можетъ быть смыслъ абстрактнаго термина зацвѣтеть, точно жезль Аарона.

И слово пустое, дневное, и слово ночное, глухое соединяется по новому въ слово, живое, цвѣтущее.

### *Слово въ поэзии.*

Возьмемъ стихъ поэта.

Здѣсь въ метрической формѣ встрѣчаетъ насъ мысль, облеченнай листвою метафоръ, эпитетовъ и звучностей языка; перевоны корней, аллитерациі, ассонансы вплывляются въ содержаніе: сплавляются съ содержаніемъ; цвѣта звуковъ сплавляются съ звуками цвѣта заката; метафоры переходятъ въ идеи, идеи—въ метафоры.

При углубленіи въ существо поэтической рѣчи намъ становится все невнятнѣй она; передъ нами вопросъ: что въ ней есть?

Въ наши дни большинствомъ голосовъ будетъ признано, что поэзія намъ нужна; при ближайшемъ знакомствѣ съ поэзіей недоразумѣніе лежащее въ основѣ признанія этого—вскроется; и откроется намъ несомнѣнно: представлениія наши о словѣ противорѣчатъ наличности поэтическихъ формъ.

\*) Всѣ эти данные мною заимствованы изъ статьи Ф. Ф. Зѣлинского „Гермесъ Трижды-Величайшій“, напечатанной въ его сборникѣ „Изъ міра идей“.

— „Поэзія намъ нужна“—скажутъ многіе: „въ образно-поэтической формѣ изображаетъ идеи и мысли она“.

— „Поэзія намъ нужна“, скажутъ многіе: „въ идеологической, мыслительной формѣ изображаетъ она звуки словъ“. „Самая идеология въ ней лишь средство выразить рядъ вида мысленныхъ, душевныхъ эмоцій: и для этой же цѣли она подбираетъ пъзвучіе звуки“—такъ отвѣтятъ намъ третіи.

Или метафора есть приманка, т.-е. сѣти міровоззрѣній, ведущихъ свою агитацию въ поэтической маскѣ; или же облеченіе міра метафоръ въ понятія есть иллюзія ясности: поверхности поэтической бездны; отраженные на поверхности солнца и луны идеяного міра поэзіи не присущи; человѣку, припавшему всѣмъ существомъ къ поэтической думѣ поэта,—эта дума отвѣтитъ:

Дитя,—отри заплаканное око:  
Не довѣрай мечтамъ...  
Луна блеститъ и катится высоко:  
Она не здѣсь, а—тамъ.

Поэзія есть стихійная бездна; и глаголы ея только зыбы поверхности безглагольныхъ глубинъ, ужасающихъ насъ нѣмotoю подъ отблескомъ свѣточей: отблески свѣточей суть идеи поэта, протекающія у насъ между пальцевъ; если мы попытаемся ихъ зачерпнуть въ горсти рукъ, онѣ тотчасъ исчезнутъ.

Протекающая между пальцами мудрость міра,—вотъ образъ поэзіи по мнѣнію многихъ.

Смыслъ философа, погруженный въ стихію поэта, намъ явить иллюзію приближенія мысли смысла до частностей жизни, конкретизируя мысли; все это—какъ бы; чистота абстрактнаго смысла мутнѣть въ поэтѣ: анализируетъ философію онъ, превращая звукъ лиры философа въ сентиментальную пошлость; изжитыя, избитыя темы въ позолотѣ метафоръ и въ сладости звуковъ намъ явить—полетъ поэтической мысли: въ недолетахъ критической мысли.

Утвержденіе это звучить парадоксомъ.

Но попробуйте обнажить наиболѣе изъ идеиныхъ твореній поэзіи отъ метафоръ, отъ красокъ, сравненій, эпитетовъ, звучностей (аллитераций и ассонансовъ); оно—сразу уянеть; философская глубина превратится въ иллюзію; мысль окажется бреннымъ покровомъ на наготѣ чистыхъ звуковъ; увлеченіе философіей Шопенгауэра не испортило намъ поэзіи Фета и музыки Вагнера; а теоріи знанія, вдохновляемой Фетомъ и Вагнеромъ—нѣтъ: быть не можетъ; теорія знанія въ аналитическомъ контрапунктѣ симфоніи міра мысли; а этотъ мірь—міръ сужденія; вся поэзія темъ субъектности, предикатности у поэта

погаснетъ, потому что болѣе, чѣмъ на столѣтія опередила чистая мысль—мысль поэтовъ; и поэтому чистые мысли обыкновенно теряютъ строгую свою красоту, становясь материалами поэтическихъ вдохновеній; въ чистой мысли, въ рискованныхъ парадоксахъ ея есть огромная красота, есть огромная глубина; мысль имѣетъ особья переживанія мысли; прикосновеніе поэтическихъ чувствъ къ переживаніямъ этимъ плодитъ намъ безвкусицу; есть своя красота у барокко и есть красота примитива; соединеніе на одномъ полотнѣ штриховъ кисти Беато съ штрихами позднѣйшихъ фламандцевъ есть варварство. Влитіе философской формы въ поэзію таково: очень часто поэтъ въ философіи есть филистеръ.

За философіей, занятой вскрытиемъ внутренне логическихъ истинъ, не угоняться поэту. Если смыслъ поэзіи—въ мысли, то современный поэтъ долженъ былъ бы описывать намъ въ предлинѣйшихъ поемахъ, что жизнь есть—

...метафизическая связь  
Транспедентальныхъ предпосылокъ.

Нѣть поэзіи, выражавшей современную философскую мысль: и появись передъ нами поэзія философіи Ласка, Когена и Наторпа,— отъ нея отшатнулись бы всѣ приверженцы взгляда на то, что задача поэзіи живописать намъ міръ мысли.

Если задача поэзіи въ описаніи водопадовъ фантастики, то поэзія слишкомъ тѣсна для огромности образовъ, здѣсь кипящихъ и безпредѣльныхъ; въ поэтическихъ формахъ предѣльна фантазія. Предѣль тутъ отсутствуетъ въ нась; оттого то вотъ: наиболѣе одаренные фантазіей люди, не имѣя возможности себя выразить въ формѣ, очень часто бѣдны, какъ поэты. Неизрѣкаемое въ поэтическомъ образѣ намъ глаголеть, какъ внутренній образъ; поэтический образъ въ своихъ элементахъ есть все же природа,—пусть взятая какъ модель заприродного; по завѣренію лицъ, проходившихъ мистической путь, мы во внутреннемъ образѣ переступаемъ границы природы въ ея элементахъ; поэзія не совпадаетъ съ фантазіей; сфера фантазіи необъятнѣй: поэзія не содержитъ въ ней всецѣло, пересѣкшая отчасти ее; совпаденіе фантазіи и поэзіи обыкновенно случайно; исключительный культь фантазіи для поэта угрожаетъ ему.

Центръ кипѣнія образовъ—въ нась; законы метаморфозы кипѣнія не воплотимы ни въ мысли, ни въ словѣ; поэзія, выражавшая исключительно внутренній образъ, есть поэзія умолчаній и старчества: но и мистикъ, и старецъ намъ выскажутъ: образованія внутренней жизни неизрѣченны для слова.

Остается намъ думать: смыслъ поэзіи въ звуковомъ значеніи слова и въ ритмической модуляціи рѣчи; и этотъ смыслъ — внѣразумъ: въ сочетаніи словъ, въ темномъ хаосѣ словъ, намъ слагающихъ форму, есть онъ.

Этой темной природою слова, стихіею слова, является громкій звукъ, возстающій на голую абстракцію мысли; козловидный Панъ,— онъ кидается на философа.

Аполлоновъ міръ слова — сломанъ: звукоподражаніе отломилось отъ мысли; трещина въ мірѣ словъ глубока; поэзія сломомъ слова обломана; нѣть былого и нѣкогда цѣльного слова поэта; раздвоенія его — въ немъ и въ нась; въ эсперанто и въ крикѣ, въ фонетикѣ, въ логикѣ, въ корневицѣ и въ жерди — осуществляется себя разломъ словъ.

У поэзіи нѣть особаго міра поэзіи, потому что ея уже нѣть въ биломъ смыслѣ потому что она не нужна ни ученому, ни стилисту; ея подлинный смыслъ утерялся въ безсмыслицахъ звуковыхъ сочетаній и смысловыхъ искривленій.

Цѣнителямъ поэтической рѣчи поэтическій Разумъ сталъ чуждѣмъ для ~~одного~~ поэтическаго терминъ; терминология, методология логики, привлекаетъ своею эстетикой часть былыхъ цѣнителей поэтической мысли; а другую часть привлекаетъ теперь не умѣніе прочитать лепетанія Парокъ, а самый процессъ лепетанія.— „Разумъ въ поэзіи закатился“. Такъ гласятъ намъ поэты, философы, футуристы и мистики.

Но—

Ложная мудрость мерцаеть и тлѣеть  
Предъ солнцемъ бессмертнымъ ума.  
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Привѣтствіе Разуму нынѣ чуждо логику и поклоннику Пушкина.

Логику слѣдуетъ углубить свою логику — отъ представлениія о ней, какъ единствѣ разсудка, къ представленью о ней, что она — Имя Рекъ. Цѣнителю звуковъ словъ слѣдуетъ углубить представленье о звукѣ до представленья о смыслѣ словесной фонетики: звуковая фонетика въ смыслѣ загадана, какъ умѣніе знать тайну звуковъ, слагающихихъ храмъ Бога-Слова. Смыслъ фонетики въ имѧславствѣ; имѧславство выражаетъ намъ опытъ, неизреченный доселѣ: умѣніе слагать Имя Рекъ; центръ души, безымянный доселѣ, есть знаніе духовнаго слова: безымянное нашей души есть Духъ Имени.

Философія сосредоточила абстрактныя представлениія въ субъектѣ познанія; философіей индивидуального Имени должна она стать; мистика Имени и фонетика Имени — соединяются въ нась по новому

въ Слова: и это Слово есть Логосъ, но—Логосъ конкретный, рождаемый внутреннимъ словомъ къ произнесеню вслухъ; Онъ распинается въ нась на половинкахъ когда то единаго слова, какъ на страстныхъ перекладинахъ Жизненного Креста. Онъ же—долженъ воскреснуть, какъ Разумъ, чтобы озарить намъ поэзію.

Да здравствуетъ Солнце! Да скроется тьма!

Поэзія будущаго—новорожденное слово изъ музыки. Между нашими представлениями о томъ, что есть слово, и словомъ—лежитъ нынѣ бездна. Слово нашего представления о словѣ въ нась смутно рождается; а остатки разбитаго, ветхаго слова, какъ выкрикъ и голая схема разсудочной мысли безсильно метаются на поверхности бурей изорванной рѣчи въ заливающемся морѣ ходячаго, пошлого слова; и подъ этою бурею—огромная и глубокая тишина: тишина ожиданія; подъ тишиной—звукъ: первый звукъ благовѣстія о грядущей, о новой, о чаемой инспираціи слова; долетаетъ какъ музыка онъ, изображимый во внутреннемъ жестѣ.

Въ жестикуляціи, въ нѣмъ гаммѣ жестовъ, въ аккомпаниментѣ глазъ, въ интонаціяхъ голоса прорѣзается нерожденный еще новый Разумъ поэзіи въ стертыхъ смыслахъ понятій и въ звуковомъ грохотаніи такъ тупо гласящаго корня.

За всѣмъ этимъ—внутренне-рожденное Слово стоитъ, и беззвучно глядѣть.

Не слова во мнѣ: въ Словѣ—Я. Я—не я: это—Слово во мнѣ!

Вотъ что должно понять.

Освѣщеніе корневого и абстрактнаго смысловъ поэзіи—собственно переносить нась къ отысканию ея инспиративнаго корня: онъ—въ Логосѣ; этой поэзіи чаемъ; виѣшними средствами ощутима возможность ея при погружениіи въ аналитику звукового состава, потому что стихія поэзіи, звукъ, при погружениіи въ звукъ намъ не выглядитъ столь уже темной; межъ неизрѣченнымъ и изрѣкаемымъ передвижима граница.

Въ настоящее время жизни звука и ритма всплываетъ предъ нами въ законахъ; въ алогизмѣ заложена логика, неуловимая нашей логикой; она чуема въ космическомъ шелестѣ фонетическихъ изліяній.

Въ логикѣ прорѣзается новый смыслъ: звукомъ нового слова; и—новыми звуками мысли, вліянной въ звукъ слова.

Инструментовка поэзіи—солнечно-разумная рѣчь; у нея—свои знаки; и знаки ея не прочитаны; въ предпріимчивой гибкости отысканія соотвѣтствій межъ звукомъ и мыслю—умѣніе чтенія нового слова въ изношенномъ словѣ; напѣв младенецъ еще не рожденъ; но мы чувствуемъ его жизнь въ предлежащей утробѣ словесности; наше мертвое слово, разъятое въ корнѣ и смыслѣ, родить свое слово;

терминъ-духъ и природа корней, Зевсъ и Мая, рождаются младенца—Гермеса.

Или мы онѣмѣемъ на вѣкъ, или снова словесность намъ станетъ воистину „герметическимъ“ культомъ, а даръ объясненія (*hermeneuein*) соединить намъ по новому глоссологію съ дарами духовнаго назиданія—въ конкретной разумности.

### *Филологъ, философъ, словесникъ.*

Философія, филология и словесность по разному намъ вскрывали укрытою „герменею“ словесъ.

Слово выдохлось въ трансцендентальную логику Канта; исторія философіи (отъ Декарта до Канта, отъ Канта до Наторпа) нарисовала намъ разложенія слова живого; методика, номенклатура понятій,—кристалы разложенной жизни.

Корневое значеніе слова отъ этого опустилось подъ терминъ: въ животное подъ-сознаніе.

Современный философъ молчитъ изсушѣннымъ сознаніемъ, проклятымъ, какъ сухая смоковница; и отъ этого запорожная корни сознанія въ немъ демоничны: козлины; сочетаніе корней и вѣтвей въ немъ смѣшительно, противоестественно, пошло; въ немъ смѣшеніе чувственной жизни съ абстрактной—чудовищно; оно—сатиръ: оттого оно превращаетъ живое текучее слово въ козлиное слово; очень часто въ философѣ именно такъ сочетается природа и духъ; для него нѣть духовной природы; для него она—шаржъ и гротескъ.

Преобладанье разсудка въ дневной его жизни ведеть къ порабощенію стихій его жизни животной природѣ; современный софистъ зачастую днемъ—логикъ; вечеромъ—помираетъ онъ со-смѣху надъ Раблэ; ночью—гонится въ снахъ за какой либо мыслимой нимфой.

Козловидная природа разсудка есть корень абстракцій.

Отношеніе къ слову поэзіи разсудочной философіи—непорядочно; пользуясь ласкою слова она—насиливъ слово; и заключаетъ бракъ съ чистой логикой, неизобразимой словами. Наоборотъ филология зачастую ростить корневое начало словесности; какъ философъ кощунственно вырвалъ съ корнемъ словесное древо, такъ вздуль корень слова филологъ, а стволъ—атрофиравъ; филология утучняетъ себя отъ корней; и—культивируетъ корни, а листья—бросаетъ.

Филология живетъ въ подсознаніи слова; она—внѣ-сознательна; филология не легко процѣваетъ идеей, позволяя явные романы со смысломъ; филологъ вступаетъ въ союзъ съ корневою стихіею слова. И тутъ онъ—добродѣтельенъ, пребывая въ паюсѣ рожденія архаизмовъ.

Филологія—геологія слова; філософія—метеорологична и вѣтряна; філологія—внѣ словесно-общественныхъ интересовъ; у нея интересы—семейная.

Третій типъ измѣрителя слова—словесникъ: его роль въ жизни слова—огромна; но до недавняго времени рѣдкій словесникъ настъ радовалъ.

Жизнь его въ отношеніи къ слову проявлялась порой лишь въ заемахъ: межъ исторіей корней и идеей онъ бездомно блуждалъ; уподоблялся онъ существу, проживающему поперемѣнно въ двухъ враждебныхъ другъ другу квартирахъ: въ холостой квартирѣ філософа и семейной філолога. Перекочевывая изъ квартиръ въ квартиру, онъ естественно становился подчасъ разносителемъ слуховъ о словѣ: и—смѣителемъ методовъ; очень часто бывалъ онъ поклонникомъ ходячаго слова, ибо самъ онъ ходилъ и осѣдлости не имѣлъ; отъ него пошли сплетни—поэту природнаго слова: обѣ ущербности Разума; очень искренній, очень цѣнныій въ иныхъ отношеніяхъ паѳосъ за слово, гонимое разумомъ,—все же есть порожденіе недоразумѣній и сплетенъ; наоборотъ терминологу было нѣкогда нашептано обѣ оргійной жизни корней.

Обыкновенный словесникъ намъ ссорилъ філолога съ філософіей; раздѣляя, онъ побѣждалъ; воздвигалъ онъ чертоги ходячаго слова и „здраваго смысла“.

Всѣ теоріи слова—словесность, грамматика, логика—не удовлетворяютъ настъ нынѣ; въ нихъ отсутствуетъ теорія: собственно слова.

Крахъ філософскихъ абстракцій и крахъ філологіи (обращеніе въ горы сырыхъ матеріаловъ), обнаружилъ намъ явное отсутствие теоріи слова.

Въ соединеніи філософіи съ філологіей по иному начало раз-  
цвѣта: словесности собственно.

### *Заданіе новой словесности.*

Въ настоящее время рано заботиться о возведеніи зданій теорій словесности. Слѣдуетъ опростить при закладкѣ фундамента мѣсто, гдѣ будемъ мы строить. Въ этомъ мѣстѣ возведены нынѣ два „павильона“ словесности: слово есть выраженіе звука; оно—органъ понятія; эти два „павильона“ намъ должно сломать. Ідеологія и фонетика въ словѣ должны быть единствомъ его содержанія съ формою: и не въ томъ вовсе смыслъ, что форма есть первое содержанія, ни—въ обратномъ; тезисъ нашъ не такъ простъ; соединяя наличныя дан-

ности содержаній и формъ, мы не сможемъ прийти къ ихъ единству; въ одномъ случаѣ мы придемъ только къ „формѣ“ въ расширенномъ смыслѣ; здѣсь живое, конкретное содержаніе, идеология собственно, непосредственно приметъ пустой, реторический образъ т. е. будетъ формально; таковое единство — единство эстетовъ, лингвистовъ, грамматиковъ: въ этой школѣ оцѣнка поэзіи производится съ точки зрѣнія архитектоники изобразительныхъ средствъ, гдѣ въ самомъ голомъ средствѣ намъ видятся цѣли поэзіи: смыслъ логической въ этой школѣ — простой результатъ комбинаціи словъ: испареніе глубинъ жизни формы; углубляется, разбирается въ этой школѣ лишь форма; содержаніе остается не вскрытымъ критически; и отъ этого тезисъ единства двухъ смысловъ осуществляеть себя однобоко: внутри фонетической сферы поэзіи заключены де уже сферы мысли. Въ другой школѣ обратно: признавая единство, его полагаютъ въ томъ смыслѣ, что высказываніе содержанія истинно въ ему свойственной формѣ; несказуемость многаго, напримѣръ, невозможность выразить въ словѣ глубину мистическихъ опыта или даже понятійной жизни — будто бы есть дефектъ содержанія мыслей и чувствъ. Въ этой школѣ невольно внутри содержательной сферы положена форма.

Обѣ школы ведутъ къ катастрофѣ во взглядѣ на слово; благополучіе этихъ школъ налицо: переживаніе кризисовъ слова и мысли имъ чуждо. Первая — вырождается въ парнасизмъ (сколькіе символисты имѣютъ уклонъ къ парнасизму!); вторая же — въ возвращеніе къ тенденціи (есть тенденціозные символисты); исходя изъ тезиса пересѣченія содержанія съ формою, пересѣченіе понимаютъ они, какъ знакъ равенства: содержаніе — формѣ, забывая при этомъ: содержаніе логики несоизмѣримо съ фонетикой, или съ формой; слѣдуетъ переплавить намъ въ насть содержаніе, форму, чтобы въ иной, третьей плоскости, вскрылась бы подлинное соизмѣреніе; данная содержанія не соизмѣримы съ намъ данными формами: произведеніе ихъ — единство, не сумма; поступая иначе въ a priori принятомъ тезисѣ, мы абстрагируемъ то — содержаніе, то — форму; некритичное отношение къ понятію „содержаніе“ вырождаетъ символику въ парнасизмъ; некритичное отношение къ формѣ выщелушиваетъ тенденцію изъ символики слова. Тезисъ символа, какъ единства, одинаково подмѣненъ содержаніемъ, даннымъ въ формѣ, содержаніемъ, вылагающимъ свою форму во внѣ. Синтетической смыслъ поэзіи гаснетъ: въ одномъ случаѣ онъ становится лишь анализомъ, выведеніемъ „формы“ изъ нѣдръ содержанія; въ другомъ случаѣ онъ становится выложеніемъ „содержанія“ изъ нѣдръ формъ; въ первомъ случаѣ самой формою слова дана намъ абстракція; во второмъ — содержаніе есть абстракція. Две опасности отношенія къ слову подстерегаютъ настъ внутри тео-

рії слова-символа; нѣкогда провозгласила себя она революціоннимъ теченіемъ, признающимъ катастрофу смысловъ словъ и ищущимъ выхода къ подлинной жизни смысла; революціонно-словесныя заданія символизма при нежеланіи глубже вскрыть символизмъ, превращаются въ благополучіе эволюціонирующаго теченія: отъ новаго къ старому; отъ символизма, какъ жизни пути слова-собственно къ двумъ культурамъ до революціонной словесности: къ культурѣ тенденціи и не-живого Парнаса. Здѣсь живое сознаніе кризиса слова и мысли, стерпѣлизуясь, блѣднѣеть въ реторику „символистики“, въ благополучіе сытаго „буружуа“, наконецъ пріобрѣтшаго собственность на „Парнасъ“, или сложившаго сбереженія своей музы въ „мировоззрительный“ банкъ, и поэтому съ невниманьемъ уже относящагося къ дрожанію передовыхъ сейсмаграфовъ мысли, оповѣщающихъ, что „міровоззрѣніе“ рушится, съ невниманіемъ относящагося къ демонстраціямъ футуристовъ, гласящихъ, что уже разрушенъ Парнасъ. Пастораль до-символическихъ, докритическихъ школъ словесности совершенно наивна; пастораль же иныхъ „символистовъ“, въ свое время разсчитыво снявшихъ квартиры въ „мировоззрительному“ домѣ есть обманъ пасторали... „надъ бездной“. Первая пастораль намъ гласить: „Широко, глубоко это море словесности!“ Смысьлъ второй пасторали ехиднѣй: „Aprѣs nous le dѣluge“...

Принимая сліянности формъ съ содержаніемъ, полагаю единство ихъ не въ той плоскости, где оно положено многими школами современной поэзіи. Благополучіе спѣшшаго единенія отвергаю рѣшительное: содержанье и форма суть двѣ половинки разбитаго камня словесности; соединеніе двухъ частей камня слова нуждается въ цементѣ. Гдѣ тотъ цементъ? Онъ—въ насъ, внутри насъ: слово подлинно при дверяхъ; его нѣть еще: соединяющій цементъ—не можетъ быть пылевыми остатками старого разбитаго слова; межъ гласящими звуками и безгласною мыслью—войстину бездна: не парнасцамъ, логикамъ, футуристамъ будетъ подлинно явлено внутренне поющее слово: оно—въ будущихъ, побѣдившихъ себя въ своемъ ветхомъ составѣ.

Признавая единство расколотыхъ половинокъ дѣйствительности (слова-термина и предметнаго корня), я его полагаю не въ плоскости данного слова; въ данной плоскости принимаю наличнѣй—расцепъ: параллель; въ данной плоскости слова логической смыслъ не пересѣкаемъ никакъ съ фонетическимъ; третій смыслъ отдѣленъ несознаніемъ нашимъ отъ двухъ его тѣней; несознаніе наше—въ душевномъ покровѣ, въ которомъ мы ходимъ; онъ и есть тотъ порогъ, черезъ который не переступимъ мы, пока себя не взорвемъ, какъ „душевныхъ людей“, чтобы вызвать въ себѣ человѣка духовнаго: третій смыслъ, Слово-Плоть, есть духовное слово: душевное слово

себя завершило въ понятії, потому что понятія, термины, мертвыя шкуры души: катарактъ на глазу ея, образующій слѣпоту душевнаго зрѣнія; а тѣлесное слово есть каменно-нѣмой звукъ, воспринимаемый въ крикѣ.

Сфери „содержаніе“, „форма“—непересѣченныя сферы; внутри содержанія не встрѣчаетъ насъ форма; внутри самой формы отсутствуетъ содержаніе; соединеніе ихъ въ третьей сферѣ, гдѣ они—одно въ духѣ; соединеніе—въ одновременномъ разбитіи оболочекъ (понятійной, материальной) на двухъ половинахъ разбитаго слова; соединеніе содержанія съ формою въ духѣ словъ, въ смыслѣ словъ, еще безгласныхъ, глаголющихъ тайно; внутренне рождаемый голосъ есть Голосъ Безмолвія; и его проекціи—въ материальной „глоссолалии“, въ фонетикѣ; и его проекціи—въ душевно-безгласномъ, абстрактно-логическомъ смыслѣ.

Положеніе нашей словесности было бы доказуемо эмпирически, если бы мы при описаніи словеснаго матеріала натолкнулись бы на такое явленіе: выявляя въ стихахъ содержаніе, мы бы видѣли, что содержаніе это въ „дневномъ“ его смыслѣ бѣдный впечатлѣнія (въ поэзіи земной разумъ—„ущербенъ“); желая осмыслить въ себѣ глубину впечатлѣнія, полагали бы мы глубину въ подсознательномъ выявлениі жизни образовъ,—въ сонной грѣзѣ поэзіи; выявление „сонныхъ грѣзъ“ въ матеріалѣ метафоръ эпитетовъ красокъ и т. д. намъ опять таки показало бы: „греза“ въ поэзіи наскрѣнно бѣднѣе того, что она пробуждается; пробуждается она въ ней безгласную и внѣ образовъ пребывающую цѣлину подъ-сознанія: „греза“ образовъ въ поэзіи—рябь поверхности „сна безъ грѣзъ“. По учению индуловъ „сонъ безъ грѣзъ“ проницаемъ сознаніемъ: онъ цвѣтеть полною духовно-сознательной жизни; по учению современныхъ физиологовъ „сонъ безъ грѣзъ“ есть лишь чувство процессовъ; неуловимое для внутреннихъ опытовъ, уловимо при опыте вѣщнемъ: физиология есть дневной разсказъ о глубинѣйшемъ; она—связь физико-химическихъ процессовъ; не болѣе: такъ что жизнь „сна безъ грѣзъ и безъ мысли“ есть жизнь въ насъ матеріи. Матерія—глубочайшая суть бытія; всѣ ученія о безсознательномъ, какъ основѣ сознанія,—ученія о матеріи. Прилагая къ поэзіи здѣсь изложенный критерій сужденій, мы должны бы сказать: „сонъ безъ грѣзъ“, глубочайшее въ мірѣ поэзіи—есть матерія ея средство, физиология словеснаго ея тѣла: составъ ея звуковъ; смыслъ поэзіи—въ ритмикѣ, въ инструментовкѣ, въ кадансахъ; все эстетское „с г е д о“—матеріастично насквозь; изученіе звукового состава было бы намъ обилиемъ здѣсь текущихъ законностей; но законы словеснаго механизма не объясняютъ намъ впечатлѣнія формы; впечатлѣ-

ніє форми „духовище“ представлення о формѣ, къ которому обязаны мы притти; материалисты слова, эстеты, отступаютъ въ ужасѣ отъ крайняго вывода физіологии слова: отъ вмѣнія поэзіи быть наборомъ звучащихъ кричаній; футуристы—проводгласители культа голаго слова; отношение футуриста къ эстету—отношеніе русскаго нигилиста къ умѣренно-либеральному барину; футуристы правѣе эстетовъ въ парадоксальности, въ прямотѣ, въ неприкрытии голаго „credo“, въ отрицаніи „разума“.

Впечатлѣніе смысла словъ, коренище и глубже всѣхъ трехъ обнаженій (въ понятіи, въ метафорѣ, въ звуки); ни понятіе, ни звукъ не сводимы къ метафорѣ; ни метафора, ни понятіе не сводимы намъ къ звуку; а сведеніе третье—сведеніе къ разсудочной мысли—не соотвѣтствуетъ въ свою очередь впечатлѣнію смысла; не удовлетворяетъ простое сложеніе смысловъ: звукового, метафорического и разсудочнаго: сложенія смысловъ способно лишь выявить параллель: понятія, образа, звука. Параллель освѣщаема положеніемъ смысла, общаго тремъ, какъ основы поэзіи, или какъ ея конечныхъ заданий: этотъ смыслъ отразимъ непосредственно въ словѣ, какъ тѣнь слова собственно.

Мы должны a priori положить этотъ смыслъ, чтобы поэзія могла состояться, чтобы фактъ непосредственно первого впечатлѣнія „глубины“ быть сознательно освѣщенъ и оправданъ. Но нуждается ли слово поэзіи въ оправданіи своего бытія?

Да, нуждается.

Непосредственность впечатлѣнія „глубины“ словъ поэта наполовину утрачена нами въ условіяхъ искусственной жизни; существуя еще вопреки современному бытію, разрушается оно въ наст.; какъ сознаніе человѣка, которому угрожаетъ разстройство психическихъ функций, оно все еще вопрошаєтъ себя,—„а здорово ли я“; вопрошанія наши—остатокъ здоровья, потому что больное сознаніе не сомнѣвается никогда въ правотѣ своего бытія, а себя утверждаетъ здоровымъ съ самоувѣренной дерзостью; въ крайнихъ выводахъ мистики, логики, футуризма есть подобное утвержденіе; смыслъ поэзіи для нихъ—парадоксъ.

Смыслъ поэзіи мы должны a priori положить въ метафоры, звука, понятій въ искомомъ соединяющемъ словѣ, настъ способнымъ воистину вывести изъ словесной разрухи, намъ данной; мы должны ту разруху снести: мѣсто новому слову очистить. Наша вѣра въ словесность воистину обязуетъ настъ снять съ себя—загнивающей корость „словесъ“ съ прорѣзей нового слова; что подъ „словами“ есть Слово—эмпирически доказуемо это: звуки слова не суть „жизнь въ себѣ“; онѣ—мимика „ущербнаго смысла“; въ ихъ звучащемъ

кричаниі вписаны космосы звуковъ, слагающихъ свои смыслы. Съ описанія словеснаго материала, съ ряда опытовъ надъ словесными элементами въ ихъ отношеніи къ „дневной“ мысли поэта начинаеть свое бытіе та словесность, которая намъ по новому можетъ связать философію съ физіологіей,—въ нихъ связать нашъ разсудочный логосъ съ намъ данной словесною плотью, въ слово-плоть совершенно конкретнаго, не „ущербнаго“ Разума.

# 1

## Поэтический организмъ.

Стихотвореніе есть организмъ; въ немъ понятіе мысли есть мозгъ; переживанія—это нервы поэзіи; отъ мозга отходить двѣнадцать паръ нервовъ; отъ понятійной мысли отходятъ главнѣйшіе нервы соединенія образовъ; главнѣйшія соединенія образовъ—вѣчные лики поэзіи: Апполонъ, Діонисъ, Афродита, Деметра, Психея и прочіе образы тысячевидно вѣтвятся въ своихъ модуляціяхъ; и вѣтвятся нервные стволы организма въ многообразіе окончаній; отъ основного ствола до послѣдняго волокна бѣжитъ нервный токъ; отъ основного, исконнаго миѳа и до случайнаго образа бѣгутъ токи творчества; подъ многовидною субъективностью образовъ коренятся немногіе миѳы; нѣрвныя волоконца, переплетаясь, вплетаются въ ткани; и такъ точно образы; переплетаясь, вплетаются въ ткани формы они; и подобно тому какъ ткани нервовъ, являясь тканью средь тканей, есть мостъ отъ тѣлеснаго уплотненія до сознанія организма, такъ ткани миѳическихъ образовъ строятъ мосты отъ тѣлесности слова, съ ними къ сознанію тѣла, какъ жизнь идеи; рухни нервы въ насъ, какъ сознаніе угаснетъ; рухни образъ въ поэзіи—перервется связь между мыслю и формой; бессловесная мысль, миѳы, образы, звуки и ритмы—сліянны другъ съ другомъ; звуки формы въ поэзіи живописуютъ молчаніе мысли; голосъ мысли поэзіи живописуетъ „внѣмысленный“ трепетъ формъ. Переживаніе—нераздѣльная уплотненість; его форма есть поэтическій образъ; образность въ поэзіи—ея жизнь; смыслъ ея не сводимъ къ смыслу звука, ни къ смыслу абстракціи. Смыслы образовъ намъ не вскрыты ни въ материальномъ, ни въ абстрактно-духовномъ; смыслъ, не вскрытый, таится за ними: смыслъ третій.

Что изнутри переживаемо, извнѣ ощущаемо: переживаемы образы, а ощутимы—метафоры; морфологія и физіологія нервовъ поэзіи—морфологія и жизнь изобразительныхъ средствъ; теорія метонимій, метафоръ и пр. есть теорія поэтической жизни.

Звуковой матеріаль—соединительно тканная система поэзіи; соединительно-тканная тѣльца въ многообразіи своихъ сочетаній

образуютъ намъ и систему ея железъ, и систему костей; переливы гласныхъ, градации гласныхъ, своеобразіе ихъ сочетаній образуютъ намъ железы, а ассонансы и особая гармонія въ сочетаніи гласныхъ (регрессіи и прогрессіи) образуютъ дыханіе. Такъ жизнь ассонансовъ осуществляется въ себѣ жизнь дыханія; ассонансы суть легкія; ими мы привыкаемъ дышать; ими дышеть поэзія; дыханье кровно связано въ настѣ нашей жизнью сознанія; ослабленіе, усиленіе ритма вздоховъ черезъ посредство нервовъ очень часто зависитъ отъ тонуса внутреннихъ образовъ; ассонансы, прогрессіи не образуютъ безсмысlenности въ себѣ протекающей жизни; жизнь ихъ связана съ цѣлостной жизнью сліянія тканей. И если поэзія организмъ, то ея живой смыслъ инспирируетъ ассонансъ быть осмысленнымъ ассонансомъ.

Что касается жизни согласныхъ, то она проявляется многообразіемъ внутренней жизни, результатомъ которой, доступнымъ сознанію намъ является аллитерационные звуки: въ сущности то, что зовемъ аллитерацией мы есть поверхность огромного сложенія звуковъ, намъ явно торчащая изъ подъ волнъ безсознательности; въ сущности жизнь согласныхъ въ намъ явленной аллитерациіи еще только поверхностна.]

### *Берегъ вечнаго веселья.*

Въ этой строчкѣ встрѣчаетъ настѣ аллитерационный мотивъ (бвв) т. е. здѣсь есть повтореніе группы согласного звука. Аллитерация въ этомъ видѣ—грубѣйшее и плотнѣйшее выявление жизни звука, ощущимое нами надъ поверхностью образа, какъ ощутима намъ твердая кость подъ слоями изъ мускуловъ. Что такое есть кость, мы не знаемъ еще: знаемъ мы существование факта кости; лишь позднѣйшая физіология и эмбриология обнаружили намъ процессъ жизни кости; образование ея изъ соединительной ткани; соединительно-тканная тѣльца, вростая черезъ надкостницу въ кость производятъ огромный процессъ, сопровождающійся отложеніемъ извести; собственно говоря, наша кость,—отложение въ итогѣ процесса; она—ракушка на процессѣ; [аллитерація есть sui generis ракушка, ощутимая грубо;] становленіе кости—въ космосѣ перепетій, претерпѣваемыхъ клѣтками соединительной ткани; аллитерация настѣ уводитъ отъ виѣшняго своего бытія къ многообразной внутренней жизни своихъ элементовъ; морфологія настѣ ведеть къ физіологии; аллитерація—понятіе морфологическое; она обусловлена огромнымъ процессомъ переплетанья согласныхъ другъ съ другомъ и съ гласными; физіология аллитерационной жизни почти не извѣстна; и поэтому мы не въ правѣ сказать, что жизнь

звуковъ въ себѣ не проницаема содержаніемъ, что она отъ содержанія не зависитъ, что углубленіе въ звуковой составъ словъ есть лишь праздное занятіе формою; утвержденіе этого рода напоминало бы намъ утвержденіе древняго человѣка Галлену: занятіе анатоміей и фізіологіей формъ не способно де насъ вести въ круги знанія о человѣческомъ естествѣ; медицина не обогатится де отъ нашего занятія анатоміей.

Утвержденія эти теперь въ отношеніи къ организму показались бы намъ жалкою и пустою абстракціей, потому что мы знаемъ: гистологія, физіологія, эмбріологія намъ раздвинула медицину; связь межъ тѣломъ и духомъ впослѣдствіи обнаружилась.

Утвержденія эстететовъ и антиэстетовъ о вѣ - смысленности внутренняго содержанія поэтической формы или, наоборотъ—объ ея осмысленности одинаково насъ ведутъ: къ вскрытию организма изъ формы, къ изученію ея тканей, къ эмбріологии и гистологіи тканей формы: изобразительности и звукового состава; непостижимая толща формы вполнѣ проницаема для эмпирическаго решенія вопроса о томъ, аккомпанируетъ ли жизнь звуковъ формы содержанію переживаній и мысли; если да,—то смыслъ звука-мысли, смыслъ третій, конкретно-разумный, доказантъ: и намъ остается ему найти „имя рекъ“.

Можно сказать, что въ примитивной метрической формѣ имѣемъ мы систему движенія—„мускулы; риѳы суть сухожилія, прикрѣпляющія поэтический организмъ къ кости крѣпкаго звука: къ согласнымъ; а оживляющій поэтический организмъ внутри метра заложенный ритмъ есть пульсация кровеносныхъ сосудовъ поэзіи; и подобно тому, какъ тончайшія капилляры пронизываютъ, оплетаютъ, вплетаются въ органы, проницая ихъ существо, такъ и ритмъ (глубочайше невскрытое для сознанья начало поэзіи, ея сонъ безъ грезъ) органически связанъ съ суммою тканей формы; единство ритмическихъ модуляцій поэта и есть его сердце, противоположное началу абстракціи, головѣ; еслибы между безднами верхней и нижней поэзіи, несказуемой въ поэзіи мыслю и не сказуемымъ, безобразнымъ ритмомъ, отдѣленными другъ отъ друга огромною толщею промежуточныхъ переплетенныхъ пластовъ изъ метафоръ, аллитераций, ассонансовъ и метровъ,—еслибы между этими безднами было бы обнаружено соотвѣтствіе жестовъ, то вопросъ о смыслѣ поэзіи перенесли бы мы прямо къ вопросу о томъ, какъ намъ вскрыть третій смыслъ, пересѣкающій двѣ половинки поэзіи (ея мысль, ея ритмъ, ея мозгъ, ея кровь),—потому что присутствіе этого третьяго смысла поэзіи было бы вполнѣ установлено и было бы установлено этимъ, что въ данности поэтической жизни нѣть слова къ смыслу, что этотъ смыслъ въ насъ живеть, лишь, какъ внутренне произносимая

заязъ словъ, могущая въ насть прорости явинъмъ цвѣтомъ, какъ жеэль Аарона.

Кантіанское представлениe о содержаньи и формѣ превратило намъ представлениe о поэтическомъ организме въ представлениe о воздушной машинѣ для печатанія абстракцій разсудка, именуемыхъ мыслью; слово есть такая машина; его формальная значимость, какъ машины, ничто; наоборотъ, материальное представлениe о словѣ, какъ машинѣ, передающей намъ наши процессы питанія мыслями, умертвило смыслъ жизни мысли въ поэзіи и привело къ убѣжденію насть, что эта жизнь есть „ущербность“.

Межу мыслью и формою звука, межъ содержаніемъ звука и формою мысли—нѣть связи: непереступаема граница межъ ними, сознаніе ограничено чувственнымъ, переживаніе ограничено мыслью—вотъ лозунги нашихъ дней, сковавшіе насть въ словесномъ распадѣ.

Мы должны утверждать: переступаемы границы познанія; переживаніе не ограничено мыслью, потому что оно—насквозь мысль, между мыслью и формой поэзіи есть живѣвшая связь—вотъ наши лозунги, освобождающіе насть отъ словеснаго плѣна и влекущіе на пути новыхъ словъ.

Такъ ли это?

Посмотримъ.

### *Изобразительность.*

Изобразительность тѣсно связана со стихійнымъ началомъ поэта, съ природой стихій у поэта: метафора—одновременно и ось формъ словесности, и граница дневного сознанія поверхности вѣ сознательныхъ, заграницы цѣлини; освѣщаетъ она—трепетъ образной грезы; все, стоящее надъ метафорой, проницаемо въ мысли; все, лежащее подъ метафорой, есть ночная стихія; и сорви мы съ поэзіи метафорический „Аполлоновъ коверъ“, мы воскликнемъ, какъ Тютчевъ: „Не пой, страшныхъ пѣсенъ“!

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ пѣсняхъ ночи роковое „наслѣдіе“ наше.

И—въ темномъ, неразгаданномъ ночномъ,  
Онъ узнаетъ наслѣдье роковое.

Этотъ хаосъ стихій—роковое наслѣдіе ущербнаго, деннаго разума; онъ—змѣиное продолженіе высохшей мысли, наполовину намъ явленной, наполовину намъ скрытой; пополамъ перерѣзана мысль, межъ частями—порогъ; чтобы выявить полную мысль, мы

должны передвинуть пороги; это выглядит взрывами въ насъ темно-лонного хаоса; въ одолѣніи хаоса—долгъ суроый поэта; изъ пинейской дыры поднимается паръ; претворимый въ кастальскія струи; вся поэзія Тютчева есть кипѣніе хаоса и цвѣтеніе хаоса; здѣсь сознаніе Тютчева отступаетъ въ ужасѣ отъ видѣнія своего двойника: полуночного сознанія поэтической пивіи; мужество передвиженія пороговъ покидаетъ вдругъ Тютчева; темный хаосъ, непросвѣтленно бунтуя, тутъ запертъ испугомъ разсудка; часть дневного сознанія не питаема ночью; въ Тютчевѣ она засыхаетъ славянофильской абстракціей; и оттого подсознаніе звукъ,—еще воющій хаосъ, а не змѣиное жало.

Тютчевъ чувствуетъ замкнутый кругъ, имъ самимъ вкругъ себя обведенный.

Мысль изрѣченная есть ложь...  
Умомъ Россію не понять... и т. д.

Наоборотъ: безстрашіе Пушкина вопрошаєтъ ночную стихію:

Я—понять тебя хочу:  
Темный твой языкъ учу.

Оттого то поэзія Пушкина—музыкальное клокотаніе аполлоновыхъ струй: процвѣтаніе мысли природою звука; гдѣ шевелится Тютчеву хаосъ, тутъ именно зажигается Пушкину звукъ; исчезаетъ пугающей призракъ грозящій съ порога сознанія: размыкается кругъ ложной мудрости въ неложную мудрость.

Такъ ложная мудрость мерцаеть и тлѣеть  
При солнцѣ безсмертномъ ума!  
Да здравствуетъ солнце!

Но не солнце ума—солнце мудрости; въ исполненіи сознанія стихіями мрака абстракція свѣта пестрѣеть цвѣтами: и ширится; наоборотъ, въ филигранной чеканкѣ все того же объема сознанія намъ куется разсудокъ.

И Тютчевъ умнѣеть разсудкомъ: отъ философской системы; а Пушкинъ—мудрѣеть въ стихіяхъ; и понимаетъ Россію онъ болѣе Тютчева.

Метафора есть порогъ подъ-сознанія; соединеніе дня и ночи поэзіи—въ ней; жизнь метафоры проявляеть себя многоразлично въ поэзіи; передвиженіе порога намъ ширить сознаніе: оживляя сознаніе, пресуществляя метафору; вѣдь метафора—зерно миѳа, по иному мо-

гущаго процвѣсти въ разумѣ; передвиженіе порога сознанія есть внесеніе миѳологіи въ мысль: соединеніе миѳа и мысли; изъ первичнаго темнаго миѳа разростается солнечный миѳъ, (какъ первичный „Аркадскій“ Гермесъ проросталъ въ Присметиста-Гермеса); какъ въ „Аркадскомъ“ Гермесъ тянулась въ дневное сознанье природа, быть можетъ, Аркадіи, такъ въ позднѣйшее Слово-Логосъ вошла вся природа, весь космосъ. Вся природа поэзіи Тютчева метафорична насквозь: здѣсь встрѣчаетъ насъ въ собственномъ смыслѣ метафора: соединеніемъ образовъ; какъ мы видѣли раньше, метафическая осмысленность корня первѣе метафоры въ нашемъ смыслѣ; корень слова—метафора всѣхъ метафоръ; проницанье стихіи дневнымъ свѣтомъ сознанія, воплощеніе духа слова въ плоть слова вызываетъ бурную мимику въ перезвонностяхъ слова; въ умѣніи достигать перезвономъ корней явной мимики смысла, есть живая магія непосредственной мудрости; ея дѣйствіе въ насъ непосредственнѣй, первого слоя метафоръ: соединенія образовъ.

Какъ богата метафора Тютчева! Какъ сравнительно здѣсь бѣдна муга Пушкина, какъ богата она метониміей! Пушкинъ—поэтъ метонимій, а Тютчевъ—метафоръ. Наоборотъ: перезвонности звуковъ у Пушкина несравнимы, огромны; и входя въ жизнь согласныхъ и гласныхъ поэзіи Пушкина отступаешь въ нѣмомъ изумлѣніи: грандіозны, воистину титаничны, прозрачны по смыслуозвучія Пушкина; соединеніе корней и группъ звуковъ слагаютъ картину огромнаго смысла; звуковая осмысленность есть осмысленность слова; въ ней—метафора всѣхъ метафоръ и миѳъ миѳологіи, соединеніе образовъ, пронизанныхъ смысломъ, то есть, „цѣлѣніе грезъ“,—периферичнѣе области „сна безъ грезъ“, ночи, мглы, предъ которой дневное сознаніе Тютчева отступаетъ въ испугѣ; въ эту-то запорожную область безстрашно спускается Пушкинъ; и говорить темной Паркѣ, которая воетъ на Тютчева шевелящимся хаосомъ:

Я—понять тебя хочу:  
Темный твой языкъ учу.

И изъ хаосовъ, лепетовъ, воевъ, сознаніемъ взятыхъ въ себя, выростаютъ пѣвучіе, нѣжные перезвоны корней, соединяясь въ огромное звуковое единство: въ соединеніе звука смысла и образа. Соединеніе это ломаетъ метафору, понятую какъ слияніе образовъ въ грезѣ; изъ подъ коросты этой метафоры, за порогомъ метафоры, освѣщается звукъ, неосвѣщенный доселе: свистъ змѣи въ немъ становится пѣніемъ Спиріна; надъ порогомъ сознанія, гдѣ господствуетъ философическая аллегорія Тютчева, ея прорѣзъ въ понятіе—Пушкинскій метонимическимъ смысломъ; самая абстракція мысли, разсудочное понятіе, пре-

вращается Пушкинымъ въ кипучую жизнь метонимій; метонимія есть перенесение образовъ, ихъ замѣна другъ другомъ по отношению; когда Гоголь намъ говорить, будто звѣзды въ водѣ „от дают ся“ (вместо обычнаго—„отражаются“), онъ творить метонимію; по Потебнѣ и самый логической стержень, причинность,—абстракція метонимической жизни; трансцендентальная схема у Канта есть, собственно, метонимія; и когдаувѣряеть насъ Кантъ,—будто схемою времени намъ является линія, что потребность пространственного изображенія времени въ познаніе вписана, а priori, то влагаетъ онъ вопреки своей волѣ метонимической приматъ въ жизнь познанія-собственно. Метонимія, какъ она намъ раскрыта въ словесности,—знакъ пустой; метонимія есть познавательный жестъ материально живущаго слова; и она же есть тайное оживанье разсудка въ динамикѣ разума; что въ словесности метонимія, то въ аналитикѣ Канта есть схема; метонимичность познанія есть живой показатель того, что въ разсудочность вписано нѣкое живое начало; обиліе метонимій у Пушкина мы встрѣчаемъ какъ разъ въ мѣстѣ Тютчевскихъ голыхъ абстракцій, повисающихъ въ Тютчевѣ надъ кипѣньемъ стихій его жизни: и обиліе это гласить, что до дна окунулы дневной разумъ свой Пушкинъ въ стихію природы; и оттого область грезы разсвѣялась въ мѣстѣ грезы у Тютчева (т. е. въ мѣстѣ метафоры); глубина же безобразныхъ сновъ (область воевъ и хаосовъ) озарилась чудеснымъ, мудрѣйшимъ и прѣвчимъ сознаніемъ: звуки пушкинскихъ словъ непосредственно осознали себя; и гдѣ Тютчевъ рисуетъ намъ пышности образовъ, тамъ рисуетъ намъ Пушкинъ чуть-чуть, добавляя рисунокъ рисункомъ осмыслиенныхъ звуковъ.

Положеніе обѣихъ поэзій графически изобразимо намъ такъ: часть дневного сознанія Тютчева не погружалось въ природу стихій; въ этомъ мѣстѣ является Тютчевъ разсудочнымъ: изучаетъ онъ Шеллинга, развиваетъ разсудочный паѳосъ славянофильскихъ тенденцій (здѣсь онъ менѣе всего символистъ, здѣсь онъ болѣе всего напрѣленецъ); часть дневного сознанія Тютчева окунулась въ ночную стихію: и со стихіею справилось; въ этомъ мѣстѣ поэзія Тютчева торжествуетъ надъ хаосомъ: соединеніе хаоса съ мыслю озаряется великколѣпнымъ покровомъ метафоръ; въ великколѣпныхъ метафорахъ передъ нами цвѣтущее слово—поэта; и отъ болѣе глубокаго пояса подсознанія (тамъ гдѣ мірь Матерей) отступаетъ съ трепетомъ Тютчевъ:

Мысль изрѣченная есть ложь.  
Взыграй, возмутишь ключи:  
Питайся ими и молчи.

Здѣсь сказуемое есть лишь крикъ, есть фонетика хаоса, непокоренная Тютчевымъ; по сравненію съ Пушкинъ не процвѣтаетъ

стозвонными звуками; Тютчевъ будучи фонетически чрезвычайно богатъ, все же пиръ его звуковъ по сравненію съ пиромъ пушкинскихъ звуковъ—убогая трапеза, потому что воистину Пушкинъ учился глубинному лепету Парокъ (у Матерей научился онъ мудрости); и въ пустынѣ молчанія инспирированъ голосъ раздавшихся пушкинскихъ звуковъ.

И жало мудрое змѣи  
Въ уста замерзшія мои  
Вложилъ десницею кровавой.  
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежаль...  
И Бога гласъ ко мнѣ возвзвалъ:  
„Возстань пророкъ: и виждь и внемли!  
„Исполнись волею моей,  
„И обходя моря и земли,  
„Глаголомъ жги сердца людей“!

Тютчевъ насть омыаетъ волною роскошийшихъ образовъ, многоженнымъ эпитетомъ и обильемъ метафоръ: имагинація, осмысленность образовъ, преобладаетъ въ немъ надъ инспираціей, которая—въ раскрытии смысла звуковъ; инспирація есть рожденіе внутреннихъ словъ въ внѣшній звукъ; имагинація есть введеніе внутреннихъ красокъ во внѣшнюю красочность; въ инспираціи—преобладаютъ начала духовности; имагинація есть душа; преобладаніе имагинаціи и ея материальное выраженіе въ жизни метафоръ поэзіи Тютчева—освѣщаетъ сознаніемъ первую запорожную зону: жизнь сновъ; въ инспирації мы не нуждаемся въ метафорѣ собственно; ея място—жизнь звука; жало мудрости, опаляющее насть глаголомъ, поэтому поэзіи Тютчева чуждо; а поэзія Пушкина ближе къ зонѣ пallyщаго, инспиративного звука, пребывающаго въ самомъ центрѣ земномъ для дневного сознанія (въ подсознаніи собственно); въ ней, въ поэзіи этой, симфонія звуковъ смыается симфонію образовъ: метафора, разбухая, подъемлетъ ростокъ своей жизни до... полярнаго круга абстракцій.

И проливаясь въ немъ, измѣняетъ свой видъ: процвѣтаетъ въ понятійномъ мірѣ она... метонимической зеленью.

Я не стану доказывать многообразье примѣровъ конкретный, осмысленный разумъ обычно внѣ-смысlenныхъ звуковъ у Пушкина; они расцвѣтаютъ въ отчетливо зрительной краскѣ; и эта краска, вплетаясь въ красочность образовъ, образуетъ въ ихъ смыслахъ, иные, огромные смыслы.

Для ихъ вскрытия необходимъ огромный трактать.

Приведу всѣмъ извѣстный примѣръ, живописующій аллитерацию Пушкина:

Шипѣнья пѣнистыхъ бокаловъ  
И пунша пламень голубой.

Подчеркну здѣсь одни неслучайные звуки „курсивомъ“:

Шипѣнья пѣнистыхъ бокаловъ  
И пунша пламень голубой.

Изъ 43 звуковъ 29 звуковъ мудро-осмысленныхъ, неотчленимыхъ отъ смысла; и 14 звуковъ обычныхъ; эти 29 звуковъ намъ образуютъ какъ бы звуковой корень смысла, выростающій изъ сложенія многихъ звуковъ въ намъ вполнѣ гласящее слово; оно—слово звука.

Обыкновенно здѣсь отмѣчаютъ аллитерацию „н“ (шипѣнья пѣнистыхъ бокаловъ и пунша пламень голубой), не объясняя ее: аллитерация де есть самоцѣнность; отнесеніе ея къ смыслу словъ де предвзятость, натяжка; и оттого то одни (обыкновенно эстеты), упиваясь сладостью звука, погребаютъ въ ней смыслъ; и оттого то другіе, смѣясь надъ сладостью звука, создаютъ себѣ представлѣніе о поэтическомъ смыслѣ абстрактно, разсудочно.

Постараюсь я здѣсь разложить слово звука на отдѣльные звуки и изъ этихъ буквъ звучнаго смысла сложить слово смысла.

Эти звуки суть: 1) „и-с-и“, 2) „н-н-б-н-н-б“, 3) „п-п-а-у“, 4) „а-о“, 5) „б-к-и-г-л-б“, 6) „н-н-н-н“, 7) „п-п-п-п“.

Изъ семи звуковыхъ, динамическихъ линій сплетается слово.

Живописуется въ образахъ: 1) шипѣнье „влаги“ бокаловъ (здѣсь „бокаль“—метонимія, замѣняющая „влагу“ бокаловъ) 2) живописуется голубой пламень пунша.

Живописуется звуками:—

—1) самый звукъ пѣны шампанскаго „и-с-и“; три свистящія „и“, „с“, „и“ образуютъ здѣсь симметрію: ша, э съ, опять ша.

—2) живописуются самыя бутылки шампанскаго въ звукахъ взлетающихъ пробокъ: „н-н-б-н-н-б“; звуки здѣсь расположены опять таки въ симметрії (два нэ, бэ, два нэ).

—3) живописуется самое теченіе влаги шампанскаго изъ горлышка въ подставимый бокалъ: при наливаніи изъ полной бутылки теченіе влаги въ стаканъ совершается не непрерывно, а—какъ бы толчками; толчки звуковъ влаги даны—въ толчкахъ звуковъ: „п-п-п-б-п-п-ла-лубой“; при наливаніи шампанскаго въ бокалъ влага сперва вылетаетъ маленькими толчками („п-п-п“), а потомъ вырывается мощно („пла-лубой“).

—4) оттѣняется влажность „влаги“ расплывчатымъ звукомъ „нн“: пѣ-н, пѣ-н (шипѣнье, пѣн-пѣстыхъ, пам-ен).

—5) звуковая регрессія (линия отъ болѣе высокаго звука къ низкому) живописуетъ теченіе струи сверху внизъ: „е-е-а-у“ (шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ и пунша).

—6) А звуковая прогрессія „уа“ (пунша пламень) живописуетъ взлетающую линію пламени.

Замѣчательно, что живописаніе звука пробокъ, теченіе струи— „толчками внизъ“, живописаніе звука взлетанія пламени винсываются въ образъ, разсказанный словомъ, другой образъ, въ словѣ не данный, но данный лишь звуками. А если явно раскрытый намъ образъ гласить: „Бокалы пѣнистые шипятъ. Голубой пламень пунша горить“, то соединеніе звуковъ, вплетаясь въ образъ, даетъ звуково-образъ; и звуково-образъ гласить несравненно болѣе [намъ]: „Взлетаютъ пробки бутылокъ шампанскаго; струя влаги, сначала маленькими толчками, а потомъ и большими испадаетъ, пѣняясь, въ бокалы и стоитъ „шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ“; взлетающей вверхъ линіей поднимается „пунша пламень голубой“.

Вотъ какая детальная картина встаетъ передъ нами; рядъ мельчайшихъ штриховъ передаютъ одни звуки безъ вибѣнія образа, потому что явно начертанный образъ гласить лишь одно:

Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ  
И пунша пламень голубой.

Звуки словъ, ихъ осмысленность—тайное данного образа; слово образа Пушкина наполовину внутренне: передается молчаниемъ образовъ; и разцвѣтаетъ, какъ же зелье Аарона въ душѣ, потому что душа въ невыразимѣйшей сладости звуковъ переживаетъ рядъ образовъ, Пушкинъ и Пушкинъ незарисованныхъ.

Чудо слиянія смысла, образа, звука въ единую цѣлостность „звуково-образъ“ есть итогъ разцвѣтанія сознанія въ безсознаніи звука; это— жестъ инспираціи; это— мудрое жало змѣи..

Другой примѣръ:

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.

Здѣсь три „р“, „св“ и „нн“—краски звука.

В. Ф. Ходасевичъ (поэтъ и цѣнитель поэзіи Пушкина) обратилъ вниманіе мое на симметрію въ расположеніи звука: по серединѣ строки стоитъ „р“; съ „р“ строка начинается; съ „р“ кончается; межъ тремя словами на „р“ два безъ „р“ („лѣсъ“ и „свой“); и характерно: слова эти звуками живописуютъ намъ шелестъ листьевъ: „с-св“; звукъ же „эр“ въ трехъ словахъ, гдѣ стоитъ этотъ звукъ, расположены опять таки

симметрично: 1) открываетъ слово (*p*-оняетъ), 2) стоитъ посрединѣ (баг-*p*-яный), 3) кончаетъ (уборъ); что-то подлинно музыкальное заливаетъ строку; музыкальность же—въ симметрии: въ динамикѣ перемѣны мѣста „*эръ*“ въ трехъ словахъ (*p*-оняетъ, баг-*p*-яный, убо-*p*); „*эръ*“ какъ бы проникаетъ тѣла звуковъ словъ; достигается: при экономіи звука—значеніе звука; звуковой скелетъ строки—въ „*эръ*“.

Смыслъ звука?

Онъ—въ тонкой ассоціаціи звука со словомъ: „*багряный*“; багряный цвѣтъ листьевъ особенно оттѣняется, безсознательно повторяется тѣмъ, что ось звуковой симметріи „*p*“ ложится на словъ „*баг-р-яный*“; двумя звуками „*эръ*“ (уборъ и роняетъ) создается особая ясность багряности цвѣта листьевъ; листва здѣсь горитъ, чуть не свѣтится; звукъ здѣсь — кисть огромнаго мастера. Въ образѣ багрянаго лѣса намъ чутся меланхолія и вмѣстѣ воздушность; меланхолическую воздушность создаютъ звуки „*н*“, прилежащіе къ „*p*“: роняетъ, багряный...

„*H*“ есть фонъ звука „*p*“: „*рн-рн-рн*“ напѣваютъ намъ звуки; въ „*энъ*“—расплывчатость, грусть и воздушность; звуки „*эръ*“, живописующіе намъ цвѣтъ листьевъ, въ сближеніи съ расплывчатымъ „*энъ*“ поэтому особенно выпуклы; и поэтому образъ багряной листвы начинаетъ горѣть и свѣтиться; а въ звукахъ „*с-св*“ листва оживаетъ и движется; вѣтерокъ, пролетающій сквозь листву, не описанъ въ сло-вахъ, а—данъ въ звукахъ.

Создается опять таки звуко-образъ, метафора, символъ; этотъ символъ-метафора вписанъ и въ образъ, и въ звукъ; самый образъ и звукъ—половинки единой метафоры; ея цѣлостность въ томъ, что въ ней звуки суть краски, а краски суть звуки; вѣтви образовъ зацвѣтаютъ цвѣтами, какъ звуки; корни звуковъ, листвой проростая, цвѣтутъ.

И—же злъ Аарона покрывается лиліями.

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.

„*Рнс-рнс-р*“ — мудрое живописаніе звукомъ словъ здѣсь встающаго образа; живописаніе, соединяясь своимъ смысломъ со смысломъ дневнымъ, даннымъ намъ, намъ гласитъ: „Стоитъ осень: невыразимо прозраченъ, отчетливо-ясенъ багряный уборъ передъ нами встающаго лѣса; въ грусти осени пробѣгающій по листвѣ вѣтерокъ, заставляетъ ее шелестѣть: съ шелестомъ „*роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ*“.

Здѣсь разсказанное,—переводъ звуко-образа въ образъ, распространяющей образъ, намъ данный; группы звуковъ „*рнс-рнс*“ процаѣтаютъ значеніемъ образовъ. Главное звуко-образа — въ мимикѣ, въ жестѣ; внутренній жестъ созерцателя Пушкина воскресаетъ предъ

нами; за лицомъ строки—выраженіе лица Пушкина, передавшаго себя звукомъ.

И здѣсь мудрое жало змѣи—налицо.

И о ней, о змѣѣ, говорить поэтъ Клюевъ:

Звукъ ангелу собратъ, бесплодному лучу  
И недругъ топору, потемкамъ и сѣчу.  
Въ предсмертномъ „ы-ы-ы!..“ танцится полузвукъ,  
Онъ каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ,—  
Сорвется капля внизъ и вострепещетъ цвѣтъ,  
Но трепетъ не глаголь, и въ срывѣ звука нѣть.

Корневая народная сила змѣинаго звука прозрачна поэту, корнями своими вспоенного этой народною мудростью.

Я слышалъ, какъ зарѣ отклинулась заря,  
Какъ вспѣлъ пѣтухъ громовъ и въ вихрѣ крылья возникъ,  
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ.

Изъ звуко-образа, не изъ образовъ только, и не только изъ мыслей возникаетъ вся роскошь позднѣйшихъ метафоръ.

Здѣсь поэтъ знаетъ то, что искусственно намъ препарируютъ въ школѣ эстетовъ; въ этой школѣ эстетовъ искусственно варятъ метафоры и уснащаютъ ихъ солью искусственныхъ звуковъ.

Народный поэтъ говорить:

Оттого въ глазахъ моихъ просинъ,  
Что я сынъ Великихъ озеръ.  
Точить сизую киноварь осень  
На родной бѣломорскій просторъ.  
На закатѣ плещутъ тюлени,  
Заглядѣлся въ озеро чумъ...  
Златогоры мои олени—  
Табуны напѣвовъ и думъ.

(Н. Клюевъ).

Напѣвы и думы, сливаясь въ единство, рождаютъ намъ метафоры образа; и—бѣжитъ „златогорій олень“ цвѣто-звука.

Оттого то и новое слово поэзіи не рождается изъ мысли абстракцій; не рождается оно ни въ нигилизмѣ футуристическихъ криковъ, ни въ съгостяхъ эстетского упражненія звуковъ тяжелозвучной, искусственной аллитерациі, неосмысленной, материалистичной насквозь:

новая поэзия намъ рождается въ устахъ тѣхъ, кто воистину видѣлъ Ликъ Слова живого, кто Его ростить и питаетъ, какъ тайное слово свое всѣмъ горѣніемъ подвига жизни.

Хорошо сказалъ Клюевъ:

Мигъ выткаль пелену, видѣніе темня,  
Но нѣкая свирѣль томитъ съ тѣхъ поръ меня;  
Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ,  
Даря уста цвѣтку, безъ вашихъ ржавыхъ книгъ.

### *Краски природы поэта.*

Не случайны намъ краски природы поэтовъ; не случайны глаголы, въ которыхъ живописуется намъ природа поэта; природа поэта, оставаясь картиной природы, намъ данной, есть все же символъ, потому что природа души соединяется съ ней; и оттого то стихіи природы въ живописаніѣ поэтовъ суть метафоры, т. е. образы природы стихій, колышащихъ зыбь поэзіи. Тѣло природы поэта не материально, конечно; материалъ красокъ, звуковъ ея облекаетъ стихійное тѣло души, по существу динамичное, выражаетъ свое становленіе въ ставшихъ образахъ будто бы обставшей природы; въ краскахъ неба, въ сіяніи солнца и мѣсяца безсознательно отображается скрытая отъ поэта его душевная *aura*.

Кажется Чуковскій назвалъ поэзію Брюсова поэзіей *прилагательныхъ*. Прилагательность поэзіи Брюсова—въ приложеніѣ эпитета къ существительному; „существительное“-же поэзіи Брюсова есть данность предметовъ дѣйствительности; существительная его музы—всегда материальны, плотны; они—ставшее; становленья, динамики—нѣть въ поэзіи Брюсова; существительное есть предметъ материальный: материальная женщина, материальная страсть; къ материально-данной дѣйствительности прилагаетъ Брюсовъ импресію: прилагательное импресіонистично у Брюсова. Импресіонизмъ музы Брюсова есть анализъ душою поэта предмета природы, ему данного виѣшне.

По сравненію съ Музой Брюсова Муза Блока насквозь динамична; Блокъ—поэтъ главнымъ образомъ не прилагательныхъ, а глаголовъ; и эта особенность Блока, глагольность поэзіи Блока, воспринимается Брюсовымъ, „статикомъ“ (и не динамикомъ вовсе) съ особою чуткостью, когда Брюсовъ пишетъ о Блокѣ: „Онъ охотно ставить одни глаголы: „поднимались изъ тьмы погребовъ“, „выходили“,

„смѣялись“, предоставляя читателю угадать, кто поднимался, кто въходилъ, кто смѣялся“ \*).

Этотъ же по существу динамизмъ характеренъ въ живописаніи природы поэтами; извѣдь данная намъ природа—статична; а стихія природы поэта—стихійное тѣло его—есть кипѣніе внутреннихъ, безсознательныхъ жестовъ; мѣсяцъ, солнце, земля, огонь, воздухъ поэта суть всегда отраженія на поверхности безобразной глади пучинъ природного лика, гдѣ напримѣръ подъ луной намъ дана не луна, а—кольца свѣта лунного отраженія; въ этихъ пляшущихъ кольцахъ луны на пучинѣ живописуется не луна: живописуются образы и подобія динамическихъ отраженій луны; отраженіе въ лунѣ безсознательныхъ душевныхъ движений; оттого то самые образы луны, солнца, звѣздъ суть метафоры; сѣть метафоръ, бѣгущихъ по строкамъ, есть нервная ткань поэтическаго организма: въ ней—первый, непосредственно прилежащий къ сознанью безсознательный слой поэтической глубины; изученіе формъ образностей и законы, встающіе здѣсь, плодотворнѣе изученія того, что поэтъ о себѣ говоритъ явно сказаннымъ въ словѣ переживаніемъ; тайное переживаній поэта явно брошено намъ въ лицо, какъ изображеніе природы въ его поэтическомъ ликѣ.

Что одинъ поэтъ видѣтъ главнымъ образомъ зарю желтой, другой—только красной (заря же бываетъ и желтой, и красной, и фиолетовой, и оранжевой и т. д.),—показуетъ намъ главнымъ образомъ не зарю, а цвѣтъ ауры поэта.

Такъ ли это?

Приведу здѣсь примѣръ.

Вода не случайно является намъ стихіею страсти. Состояніе страстнаго организма поэтаживописуется безсознательно въ отношеніяхъ поэта къ водѣ. Неужели же состояніе воды у поэта—показуетъ намъ состояніе страстей его? Возьмемъ воду у Тютчева: вода Тютчева—и зеркальная влага, и воющая пучина; она—обильна, ясна, глубока; живописаніе воды Тютчевымъ показуетъ ее, какъ нѣкую мощную силу, могущую быть и нѣжной; не мутна она; не скучна она; очень мало въ ней льда; никогда почти она не „болото“. Переходя отъ воды къ жизни Тютчева, мы должны здѣсь отмѣтить: страстная натура поэта, какъ и „вода“ его, глубока; никогда не бываетъ больною; мятется природа поэта,—словно юноша, не утратившій способность любить.

Возьмемъ „воду“ у Блока въ отношеніи къ идеиному лицу Музы. Этотъ ликъ въ немъ мѣнялся; сперва не было явлено намъ его Имя: потомъ Блокъ его назвалъ—Прекрасною Дамою, обращаетъ къ ней

\*) Изъ статьи Брюсова о Блокѣ въ „Русской Литературѣ XX вѣка“ подъ редакціей проф. С. А. Венгерова (выпускъ VII).

поэтъ свою нѣжную страсть; разгораяся явною страстью къ Видѣнію Неба, поэзія Блока какъ-то путаетъ планы; изъ смѣшенія ея земно-огрійныхъ и небесныхъ началъ выростаютъ болѣзни экстазовъ—радѣній поэзіи Блока. „Радѣніе“ ведетъ къ срыву: жизнь страстей получаетъ ударъ; заболѣваетъ она; Ликъ Небесной Подруги становится Маскою; и когда спадаетъ она—подъ ней видимъ мы пустоту: женщина легкаго поведенія появляется откуда издали; хирѣтъ въ поэзіи Блока здоровая страстность.

Возьмемъ „воду“ въ поэзіи Блока въ отношеніи къ перипетіямъ явленія и превращенія Лика Музы его. Поразительна параллель „воды“ въ поэзіи Блока, состоянья страстей и измѣненія лика Музы.

Наблюдаемы здѣсь три главнѣйшихъ этапа.

Этапъ первый: Небесное Видѣніе еще не посѣтило поэта; и спать страсти поэта.

Какъ въ періодѣ этомъ живописуется Блокомъ вода?

Она—лѣнива, сонна; или—ронштетъ угрюмо; нѣть разбѣга въ ней Тютчевскихъ бурь; нѣть и ясности.

Появилась Прекрасная Дама. Поэтъ ее любить.

Какъ въ періодѣ этомъ живописуетъ онъ воду?

Закипаетъ вода: рѣки рвутъ коростъ льда; разливаются; и, бушуя, поютъ. Если сжать сумму словъ о „водѣ“ и найти къ ней модель въ одной фразѣ, то—вотъ она:

Мы—живемъ въ старинной кельѣ  
У разлива водѣ.

Здѣсь весной кипитъ веселье  
И рѣка поетъ.

Экстазъ влажной стихіи поэта живописуется въ экстазѣ воды.

Этапъ третій: Прекрасная Дама скрывается.

Экстазъ чувствъ обрывается; и „вода“ не поѣтъ, не бѣжитъ; очень много стоячей воды; она ржаво цвѣтеть; лейтъ-мотивомъ „болота“ исполнены пѣсни Блока. Появляется Незнакомка подъ Маской: вода замерзаетъ, становится снѣгомъ.

Здѣсь, въ лѣнивой водѣ, въ пѣньѣ водѣ, въ зацвѣтающемъ гнилью „болотѣ“ и въ снѣжной метели съ неподдѣльною ясностью передъ нами проходятъ перипетіи глубинѣйшихъ переживаній поэта, которыя скрыты и отъ него, и отъ настѣ въ своемъ подлинномъ образѣ; этотъ подлинный образъ поэтомъ однако намъ данъ не въ словахъ о себѣ, а въ картинахъ природы; такъ изъ суммы пейзажей слагается подлинный нелицепріятный отчетъ о состояніи стихій у поэта. Пейзажъ природы аккомпанируютъ дневнымъ смысламъ своимъ

ночнымъ смысламъ природы поэзіи; форма образовъ (сумма словъ о природѣ) соотвѣтствуетъ идейному содержанію; ночной смыслъ, данный въ образахъ, заживаетъ согласно идеѣ.

Параллели двухъ смысловъ гласятъ, что они суть единство, въ искомомъ, не данномъ намъ смыслѣ.

### *Ассонансы.*

Ассонансъ образуетъ дыханіе въ поетическомъ организмѣ; поетической организмъ виѣ дыханія мертвъ; ритмъ дыханія аккомпанируетъ ритму мысли; дыханіемъ выражается жизнь смысла мысли въ физиологическихъ глубинахъ поэзіи.

Что такое есть ассонансъ? Пусть расскажетъ намъ о себѣ: привожу стихотвореніе З. Гиппіусъ, построенное на ассонансѣ:

Стоны,  
Стоны,  
Истомные, бездонные,  
Долгіе, долгіе звоны,—  
Похоронные  
Стоны.

Жалобы,  
Жалобы на Отца...  
Жалость язвящая, жаркая  
Жажда конца,  
Жалобы,  
Жалобы...

Узель туже, туже,  
Путь все круче, круче,  
Всё уже, уже, уже,  
Угрюмый тучи  
Ужась душу рушить,  
Узель душить  
Узель туже, туже...

Господи, Господи—нѣть!  
Вѣщее сердце вѣрить!  
и т. д.

Здѣсь въ первой строфиѣ всѣ ударные звуки на „о“; во второй—на „а“; въ третьей—на „у“.

Жизнь ассоціанса не изучена нами вовсе; предположение, что движение звуковъ слѣпо, безмыслено, коренится въ предвзятой обидчайшей мысли: звуковая де волна материальна; материей звуковъ безобразно де обвистъ поэтической смыслъ; безобразный де придатокъ стиха есть матерія звука; стихъ-де надо кастрировать; таковая кастрация стихотворной строки съ извлечениемъ идейного смысла училась десятками лѣтъ теоретиками словесности; и смыслъ слова ссыхался въ абстракцію; и когда пересохъ онъ до термина, то словесники въ ужасѣ отскочили отъ крайнихъ выводовъ теоретической разсудочной мысли; эту мысль принялись они приумянивать и припудривать поэтическимъ образомъ; былъ вялъ этотъ образъ; аллегорія образа не процвѣтала въ символику.

Отъ такой идейно-ходячей поэзіи отказались поэты.

Къ сожалѣнію многіе въ полемическомъ спорѣ съ тенденцией ударились въ обратную крайность; они утверждали: „Если форма въ поэзіи есть мертвѣйшій нарости для идеи, то идея поэзіи не нужна: нужна форма“.

Утверждение формы, какъ матеріала изъ звуковъ, не сліяннаго съ мыслю, есть впаденіе въ материализмъ: разъ вступивъ на путь формы, должны мы притти къ убѣждению: матеріальнѣйшія элементы ея суть важнѣйшія; ощутимѣе всего въ формѣ—звукъ; изъ матеріи звуковъ сплетаются ткани формы; здѣсь внутренний образъ, извѣнѣ отразимый въ метафорѣ,—лишь покровъ тѣла формы; „образъ“, „миѳъ“ символистовъ безъ достаточнаго углубленія въ его жизнь, безъ вскрытия тайны теченія образовъ, безъ духовной культуры ихъ жизни, безъ вѣрнаго знанія превращается въ фиговые листочки надъ наготою кричащаго звука; матеріализмъ парнассистовъ умѣренъ; нагота звуковыхъ матеріаловъ цѣломудренно прикрывается аллегорической завѣсью образовъ. Въ футуризмѣ срывается съ наготы тѣда звука листочки засохнувшихъ образовъ; звукъ цинично кричитъ; онъ ведеть себя нигилистомъ; въ футуризмѣ намъ уличенъ эстетизмъ, парнассизмъ и умѣренный символизмъ. Пусть теперь утверждаютъ парнассы исключительность формы въ поэзіи; мы ихъ спросимъ тогда: „Почему же вы не идёте въ своеемъ утверждениіи до конца? Почему же вы не становитесь футуристами?“ Между логикой когеніанства и логикой „Крученыхъ“<sup>1)</sup> намъ расплещенъ Парнасъ, если онъ упорствуетъ въ нежеланіи прихорапливать звукъ аллегоріей образовъ и абстракціей мысли, отставшей отъ подлинной мысли на столѣтье; и—болѣе.

Положеніе третье почти не разобрано: содержаніе и форма въ ихъ смыслахъ суть тѣни конкретнаго, но не дан-

1) Футуристический поэтъ.

наго смысла, гдѣ ликъ слова мысли и ликъ звука слова сливаются въ образъ живого Архангела; это—вѣдомо Клюеву:

Но древній рыбарь—сонъ, чтобы лову не скудѣть  
Въ затонѣ тишины созвучьямъ ставить сѣть.

Между мыслю и звукомъ, въ которыхъ расколото прежнее слово—затонѣ тишины: молчаніе, подвигъ жизни поэта,—они лишь родятъ слово жизни, гдѣ образъ и звукъ суть единство, чтобы—

... Вспѣлъ пѣтухъ громовъ и въ вихрѣ крылъ возникъ  
Подобно рою звѣздъ, многоочитый ликъ.

И тогда поэтъ скажетъ:

Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ...

Ликъ звука не виденъ словеснику былой памяти, разогрѣвшему ту или другую идею подъ соусомъ аллегорій; онъ не виденъ парнассцу, потому что парнасецъ не вѣритъ, что—

Звукъ ангелу собратъ, безплотномулучу...

Звукъ—матерія для парнасцу: онъ—гутируетъ звукъ; парнасизмъ—плотоядное пожираніе звуковъ, смакованіе звуковъ; звукамъ надо учиться, надо ихъ погружать въ тишину, чтобы тамъ, въ тишинѣ, разцвѣтая, они раскрывались, какъ... ангелы („звукъ ангелу собратъ“).

И потому-то Парнасъ ведеть къ полному срыва души жизни звука; и этотъ „срывъ“, какъ болѣзнь, выступаетъ на ликѣ россійской словесности чревовѣщаніемъ футуризма, гдѣ всѣ звуки—какие-то недоноски, какие-то невнятные „ы-ы-ы“. Полузвуки они!

Въ предсмертномъ „ы-ы-ы!..“ таится полузвукъ,  
Онъ, каплей и цвѣткомъ уловится, какъ стукъ,—  
Сорвется капля внизъ и вострепещетъ свѣтъ,  
Но трепетъ не глаголь, и въ срывѣ звука нѣтъ.

Н. Клюевъ.

Надо намъ in concreto рѣшить, матеръяльна ли форма, или форма—духовна; а для этого надо уйти въ изученіе жизни тканей словесности; эта ткань, образующая органы вдыханія и выдыханія звука, есть ассонансъ. Стихотвореніе пульсируетъ ассонансами; о пульсациії этой мы мало что знаемъ; материалъ ассонансовъ не собранъ, не сортированъ; законностей нѣтъ въ этой области; здѣсь теорія словесности—проглядѣла громаднѣйшій континентъ; существованіе его

нами только недавно открыто; наблюдения кой-какія законности, намъ едва уловимыя; но опытный глазъ наблюдателя съ изумлениемъ видить міры; протекаютъ волшебные перспективы, пролетаютъ пейзажи.

Напримѣръ, характерны нѣкоторые выводы изъ статистики употребленія ударныхъ гласныхъ поэтами. Знаете-ли, что въ поэзіи Баратынскаго, Пушкина, Тютчева на ударныхъ слогахъ главенствуетъ звукъ „о“, а не „а“. Кажется, что наша русская рѣчь инструментована главнымъ образомъ при помощи „а“; скелетъ гласныхъ стиха суть ударные звуки; въ нихъ главенствуетъ „о“, совершенно обратно: въ нѣмецкой поэзіи главенствуютъ высокіе звуки главнымъ образомъ „е“, „ei“, „i“; принимая, что шкала гласныхъ идетъ сверху внизъ отъ высокаго „и“ черезъ „е“, черезъ „а“ къ наиболѣе низкимъ звукамъ „о“, „у“, мы должны заключить, что нѣмецкая муза скорѣе сопрано, а наша—концертальто.

То, что мы зовемъ ассонансомъ, есть видъ звуковыхъ переливовъ; ассонансами не исчерпана гармонія гласныхъ; ассонансъ показуетъ намъ статику, длительность выдыханія звука; наоборотъ контрастами („и—у“), сѣтью прогрессій (уюаеи), регрессій (иеаоу) выражаетъ себя динамизмъ жизни гласныхъ; въ обилії гласныхъ—воздушность и легкость стиха; въ этомъ смыслѣ чешскій языкъ, напримѣръ, отвердѣлъ, пересохъ въ преобладаніи согласныхъ надъ гласными; въ изобилії гласныхъ намъ явлены все здоровыя легкія организма поэзіи. Анатомія и физіологія системы дыханія есть существенно важный отдѣль въ изученіи организма.

Въ управлениі воздушной струей, въ упражненіи съ дыханіемъ достигается многое въ школахъ Йоги.

Есть-ли это умѣніе у поэтовъ? Осмысленно-ль катятся волны гласныхъ въ поэзіи, иль теченіе, ихъ не есть мимика къ вицѣнію смыслу?

Приведу здѣсь примѣры:

Тѣни сизыя смѣсились,  
Свѣтъ—поблекнулъ: звукъ уснуль.

Звуковая волна такова, если примемъ въ разсчетъ мы ударная гласная: „и-и-и-е-е-у-у“; градациія нисходящаго звука—регрессія—проникаетъ насквозь приводимыя строки. Каковъ ея смыслъ? Она аккомпанируетъ мысли; медленному угасанію свѣта, уходженію свѣта подъ землю (въ зарѣ) и паденію сумрака съ неба на землю соответствуетъ упаданіе звука, угасаніе звука отъ высокаго, острого, яркаго „и“, черезъ болѣе низкое „е“ къ вовсе темному, низкому и глубоко закрытому „у“. Разумѣется параллель между волнами гласныхъ и смысломъ

ломъ непроизвольна и виѣ-разсудочна: въ интуитивной гармонії смысла гласныхъ и смысла образовъ мы видимъ присутствіе третьаго, тайного смысла: за смысломъ логическимъ стоитъ Ликъ Логоса; и за смысломъ гармоніи звука стоитъ Ликъ Звука.

Строчка Лермонтова, живописующая благодатность молитвы пре-обладаніемъ открытаго „aaa“, есть опять-таки чудо: рожденія сознанія въ звукѣ.

Есть сила благадатная.

Я пишу строку такъ, какъ она произносится.

И опять-таки я беру случайно у Клюева:

Осѣняетъ Словесное дерево  
Избянную дремучую Русь.

Жесты звуковъ здѣсь совпадаютъ съ рисуемымъ образомъ. Здѣсь два образа: дерева и Россіи. Дерево, стволъ его, расширенный кроной вверхъ нарисованъ прогрессіей, линіей вверхъ веходящаго дерева „a—e“; прогрессія кончается расширениемъ звука „e“ въ ассонансъ: „a—ee“; звуками нарисована линія Словеснаго древа; подъ нимъ, въ глубинѣ—Русь, изображенная ассонансомъ ниже древа (чее) лежащаго звука; выбранъ звукъ здѣсь не „o“, а звукъ „u“, наиболѣе глубокій и темный, потому что Русь здѣсь—„дремучая“, темная, звуковая линія: 1) я—ее, 2) у-у-у—суть жесты образовъ. Всѣ ударные звуки осмыслинны въ приводимыхъ строкахъ:

Осѣняетъ словесное дѣрево  
Избянную, дремучую Русь.

Воистину правъ поэтъ Клюевъ, говоря о себѣ:

Пѣвчимъ свѣтомъ алмазно заиндивѣль  
Надо мнай древословный навѣсь,  
И страна моя, Бѣлая Индія,  
Преисполнена тайнъ и чудесъ.

Я не стану описывать смыслы гласныхъ въ приводимой строкѣ (я—ихъ вижу): пусть увидитъ ихъ мой читатель—пусть увидить онъ въ нихъ жестъ невидимо приподнятыхъ рукахъ... Бѣлой Индіи!..

Вотъ снова случайныя строки съ волной просвѣтленныхъ ударныхъ:

Я видѣлъ звука ликъ, и музыку постигъ,  
Даря уста цвѣтку, безъ вашихъ ржавыхъ книгъ.

Такова волна гласныхъ: *и-у-и-у-и, я-у-а-и*. И—что она значить? Парадоксальное утвержденіе единства лика и звука выражается

тѣмъ, что сперва рисуется контрастъ звуковъ, наиболѣе высокаго „и“ съ наиболѣе низкимъ „у“ въ линію *иу-иу-и*; а потомъ разрѣшается тѣмъ, что контрастъ „и—у“ связывается въ гармонію ассонанса по серединѣ лежащаго звука (*и-е-а-о-у*): *я-у-а-и*.

Краснорѣчіе звука прозрачно: оно—непредвзято.

Имѣя передъ собой схему гласныхъ Лермонтовскаго „Бородина“ я съ волненiemъ вижу: сквозь всѣ ряды строчекъ течеть, кипитъ, дышетъ осмысленная картина: жестикуляція звуковъ полна; и—не умѣю ее охватить; чувствую, что охватомъ своимъ рационализирую неизбѣжно я то, что мнѣ видится; для раскрытия смысла теченія гласныхъ здѣсь нуженъ трактатъ; я скажу лишь, что явно проходятъ двѣ темы; описание мужества русскихъ сопровождается звукомъ „а“; французы представлены звукомъ „у“; далѣе начинаются чудесныя схватки звуковъ, тончайшая звуковая нить создаетъ изысканный контрапунктъ, о которомъ сказать не умѣю, который я—вижу. Вотъ тема героизма русскихъ (звукъ „а“):

Звучалъ булатъ, картечь виждала  
Рука бойцовъ колоть устала  
И ядрамъ пролетать мѣшала  
Гора кровавыхъ тѣлъ.

(„*ааеа аооа яаа аае*“).

Или: снова живописаніе той же темы при помощи все того-же „а“.

Вотъ затрешили барабаны,  
И отступили басурманы;  
Тогда считать мы стали раны,  
Товарищей считать.

Опять таки: „*а а а а а а а а а*“ суть ударные звуки.

И вотъ вамъ—французы они фигурируютъ въ низкихъ звукахъ:

У нашихъ ушки на макушкѣ!  
Чуть утро освѣтило пушки  
И лѣса синіе верхушки  
Французы тутъ, какъ тутъ  
Забилъ зарядъ я въ пушку тухо  
И думалъ угощу я друга и т. д.

„У-у-у“—сопутствуетъ появлению вражеской, мрачной тучи.

„Бородино“ есть сплошной контрапунктъ ассонансовъ, прогрессій, регрессій, сліяній, гармоній, и звуковыхъ симметрій. V

Инспирація гласныхъ сливается въ образы. И воистину: не футуристическое безсмысле звука безъ смысла пульсируетъ подъ всѣмъ тѣмъ, о чёмъ пишеть поэтъ, а звуковая гармонія, заставляющая сказать о родномъ языѣ словомъ сына народа:

Индійская земля, Египетъ, Палестина—  
Какъ олово въ сосудъ, отлились въ наши сны!

(Клюевъ).

### Аллитерація.

Аллитерація представляетъ собой еще болѣе яркій міръ смысла звука; вмѣстѣ съ тѣмъ она наиболѣе безсознательна; звукъ согласного—коренной; тяжелый, безсознательный онъ звука гласныхъ; здѣсь мы—въ тайномъ, въ подземномъ; между тѣмъ: здѣсь подземные толщи матеріи звуковъ при внимательномъ уходженіи въ нихъ начинаютъ вдругъ плавиться; становиться духовнѣй, иною, не нашей духовностью; не абстракціей мысли, а мимикой, жестами скрытаго, тайнаго совершенно конкретнаго и все же духовнаго смысла гласять намъ онѣ.

Многіе наивно открыли существование аллитерацій въ поэзіи модернистовъ; модернисты дѣйствительно культивируютъ аллитерацію но эта культура подчасъ совершенно виѣшне посажена; стихъ насильственно сѣдлается ею; обыкновенно, на смыслъ она, какъ на коровѣ сѣдло: слишкомъ явно торчитъ; и—легко отдирается. Какъ примѣръ аллитераціи виѣшней, чтобы не обидѣть своихъ современниковъ, беру собственный стихъ:

„Краснѣеть красный край“.

„Кра-кра-кра“—кракаетъ аллитерація безотносительно къ смыслу; между тѣмъ: непроизвольно я употребляю звукъ „эль“ въ своей прозѣ; это вѣдомо мнѣ главнымъ образомъ потому, что при наборѣ моихъ сочиненій обыкновенно „эль“, не хватаетъ. Это случайное обстоятельство заставляетъ меня заключать, что мой звукъ есть звукъ „эль“.

Думаютъ, что аллитерація есть явленіе позднѣйшаго времени; между тѣмъ: произведенія нашихъ классиковъ переполнены аллитерирующими, переходящими другъ въ друга группами звуковъ; открываю древнѣйшій памятникъ нашей словесности „Слово о Полку Игоревѣ“; и открываю мгновенно серіи аллитерацій, напримѣръ: „сели сѣтвориста моей сребренѣй сѣдинѣ“; здѣсь проходитъ звукъ „с“ и звукъ „р“ и т. д.

Характерно: любимейшая аллитерация Баратынского на „п“—„эръ“: „*пр*“ проходит красною нитью по поэзии Баратынского. Смысл аллитерации этой определил я, касаясь поэзии Блока\*) какъ „прорывъ покрововъ природы“. Аллитерация третьего тома стиховъ Александра Блока есть „д-т-р“; я ее опредѣляю, какъ аллитерацию „трагедіи трезвости“. Аллитерации эти воплощаются намъ въ жестѣ звука согласныхъ основной лейтъ-мотивъ идеологии Баратынского и позднѣйшаго Блока. Здѣсь не стану касаться я ихъ. Ихъ касаюсь я въ другомъ мѣстѣ. Глубокое одухотвореніе согласного звука у Пушкина мною было показано выше; пусть читатель мнѣ вѣритъ: аллитерационныя волны, сливаясь другъ съ другомъ, вдохновенны и пламенны. Многообразіе пейзажей ихъ говоритъ намъ безъ словъ ликомъ смысла.

И въ этомъ глубиннѣйшемъ, безсознательномъ слоѣ формы мы встрѣтимъ огромную связь съ переживаніемъ, съ думой поэта; центръ же связи не дайъ: утаенъ.

Его надо намъ вскрыть. |

### Ritmъ.

Ритмъ—глубиннѣйшій слой; онъ подъ толщею формы—заформленное; наиболѣе онъ удаленъ отъ дневного, абстрактнаго смысла; онъ—нижнее небо поэзіи; или, если хотите, онъ—центръ земли звуковъ; и этотъ центръ—раскаленный: онъ кипитъ и бурлитъ; онъ, какъ сердце, пульсируетъ пламенемъ, плавя формы намъ изнутри и бросая намъ звуки толчками свойхъ модуляцій; если мысли поэзіи—голова, если образы—нервы, гласные—легкія; если сложеніе согласного звука напоминаетъ сложеніе намъ соединительной ткани въ крѣпчайшія кости скелета, то ритмъ это—темная кровь, горячашая организмъ; и, казалось бы, модуляція ритмовъ должна бы настъ наиболѣе далеко отводить отъ осмысленной внятности переживаній мыслей поэта; между тѣмъ съ наибольшою внятностью въ ея музикѣ отраженъ смыслъ дневной.

Приведу здѣсь одинъ характерный примѣръ, доказующій внятно глубокое совпаденіе ритма и смысла. Я бы могъ привести и десятки примѣровъ (я помню ихъ); но они настъ ведутъ въ безконечные лабиринты деталей.

Для поясненія своей мысли замѣчу:—

—мнѣ пришлось одно время работать въ кружкѣ, посвятившемъ себя изученію ритма поэзіи; подъ

\*) См. въ моей статьѣ „Поэзія Блока“.

ритмическою строкою мы разумѣли условно строку, съ отступлениемъ отъ нормального метра, т. е. такую строку, гдѣ есть явное ускореніе одной, двухъ и болѣе стопъ; или обратно: гдѣ есть замедленіе. Въ строкахъ Пушкина—

Подъ голубыми небесами  
Великолѣпными коврами и т. д.—

—есть четыре стопы съ ускореніемъ, по сравненію съ нормально метрическимъ складомъ стиха напримѣръ:

Возстань, пророкъ! И виждь, и внемли...  
Глаголомъ жги сердца людей...

Отношеніе между разными формами строкъ ритмическихъ и метрическихъ измѣрялось нами по предложенію одного изъ поэтовъ такимъ примитивнѣйшимъ способомъ: если мы имѣемъ двѣ смежныхъ и разноритмичныхъ строки, то ихъ разность мы назовемъ „единицею“; разность же, обусловленную неодинаковой паузной формою будемъ мы измѣрять десятичными знаками; такъ, имѣя строфу, мы ее можемъ вычислить, изобразить ее въ числахъ; при повтореніи строкъ съ одинаковымъ ритмомъ, мы ихъ измѣряемъ по формулы:  $\frac{n-1}{n}$ . Такимъ способомъ можемъ мы, будучи ознакомлены съ элементами ритмики, представлять строфы въ числахъ, и при помоціи чиселъ графически строить кривую; перебои (паденіе ритма и валеты его) живописуетъ такая кривая. Стихотвореніе, изображенное, какъ кривая, показуетъ съ наглядностью намъ жестикуляцію ритма.

И, казалось бы, эта кривая, несогласима со смысломъ; между тѣмъ, она—вдохновенна; содержаніе переживаний и образовъ оттѣняетъ она въ игрѣ ломаной линіи.

Какъ примѣръ совпаденія смысла дневного и ритма приведу стихотвореніе Тютчева.

Смотри, какъ облакомъ живымъ  
Фонтанъ сіяющій клубится,  
Какъ пламенѣеть, какъ дробится  
Его на солнцѣ влажный дымъ.

Здѣсь ритмическая разность между первою и второю строкою отсутствуетъ: 0; между второю и третьей строкою эта разность равна единицѣ; между третьей и четвертой строкою опять таки есть эта разность.

Сумма ритма строфы изобразима:  $0+1+1=2$ .

Вторая строфа:

Лучомъ поднявшись къ небу, онъ  
Коснулся высоты завѣтной,  
И снова пылью огненцвѣтной  
Ниспашь на землю осужденъ.

Первая строка равноритмична предшествующей; вторая строка (ускорение 2-ой стопы) разнometрична опять; третья строка, повторяя намъ ускорение третьей стопы, повторяетъ ритмъ второй строчки строфы предыдущей: ея ритмъ исчисляемъ по формуле  $\frac{n-1}{n}$  т. е.  $\frac{5-1}{5}=0,8$ ; но въ то время, какъ паузная форма одной изъ строкъ есть „с“ \*), паузная форма другой строки—„б“; по установленному трафарету причитываю разность двухъ смежныхъ паузъ въ 0,2; наконецъ четвертая строфа равноритмична третьей (и проходитъ она съ одинаковой паузной формою „б“) сумма ритма второй строфы:  $1+0,8+0,2=2$ .

Третья строфа:

О смертный мысли водометъ,  
О, водометъ неистощимый!  
Какой законъ непостижимый  
Тебя стремить, тебя мятеть?

На основаніи тѣхъ же сужденій сумма ритма третьей строфы будетъ намъ:  $0,2+1+0,7+0,9=2,8$ .

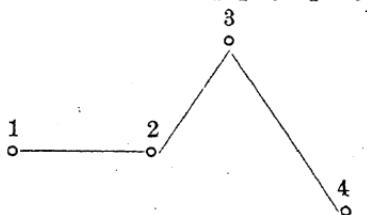
И сумма ритма четвертой строфы—

Какъ жадно къ небу рвешься ты!  
Но длань незримо-роковая,  
Твой лучъ упорный преломляя,  
Свергаешь въ брызгахъ съ высоты.—

слѣдующихъ числахъ:  $0+0,8+0+0=0,8$ .

— выражается въ

Изображая въ кривой суммы чиселъ всѣхъ строфъ, т. е.,  $2-2-2,8-0,8$ , имѣемъ такой мы форму кривую; жизнь ритма—въ ней.



\*.) О паузныхъ формахъ и номенклатурѣ ихъ отсылаю къ моей книжѣ „Символизмъ“.

Соотнесите теперь жесть кривой съ содержаниемъ стихотворенія.

Въ первыхъ двухъ строфахъ живописуется зрительный образъ фонтана; живописуется, какъ онъ взлетаетъ, какъ падаетъ; это спокойное описание фонтана даетъ ровную линію ритма. Въ третьей строффѣ расширяется зрительный образъ въ огромное философское обобщеніе: человѣческая мысль уподобляется фонтану; непостижимый законъ мятеть и стремить эту мысль; охвату и валету идеяного содержанія, созданію символа изъ образа соотвѣтствуетъ взлѣтъ ритмической линіи (отъ „2“ къ „3“). Даѣже уже — просто чудо: четвертая строфа живописуетъ паденіе мысли подобно фонтану:

Но длань незримо роковая,  
Твой лучъ упорный преломляя,  
Свергаетъ въ брызгахъ съ высоты.

И, рисуя паденіе это, глубоко-глубоко упадаетъ намъ линія ритма.

Линія ритма краснорѣчиво кричитъ, что ея темный смыслъ — повѣствуетъ о томъ же, о чёмъ повѣствуетъ дневное сознаніе Тютчева.

Я продѣлалъ подобнымъ же образомъ до 20-ти разборовъ стихотвореній Тютчева; и повсюду я встрѣтилъ одно: совпаденіе глубочайшихъ цѣлинъ подсознательнаго съ дневнымъ смысломъ; и мимика кривой ритма, не ошибаясь, живописала дневное сознанье поэта \*).

Приведенные выше примѣры въ совпаденіи образности, инструментовки и ритма со смысломъ дневнымъ показываютъ намъ явственно: содержаніе пересѣкается съ формой не въ содержаніи и не въ формѣ, а въ третьемъ, въ неявленномъ смыслѣ, во внутреннемъ словѣ, еще не проросшемъ, не вскрытомъ.

Какъ его намъ раскрыть?

#### *Словесное древо.*

Мы показали наглядно: какая-то далеко не явная связь существуетъ межъ смысломъ и звукомъ; но говорить о единствѣ ихъ въ принятомъ видѣ —натяжка; скажемъ лучше, что смыслы и звуки даны въ поэтическомъ организмѣ условіемъ цѣльности, что не будь ея, цѣльности, никогда бы мы не встрѣтились съ совпаденіемъ жеста смысловъ и звуковъ; никогда бы не придумали искусственно Пушкинъ своихъ звуковыхъ совершенствъ; никогда бы кривая ритмическихъ танцевъ „Фонтана“ не кричала бы намъ содержаніемъ; невозможно

\* ) Подробнѣе я касаюсь этого вопроса въ моей статьѣ „О ритмическомъ жестѣ“ (2-й Сборникъ „Скізы“).

искусственно приготовить чудесъ; невозможно искусственно имитировать рефлексы мгновенного жеста на мгновенное впечатленье; искусственный рефлексъ — гримаса. Въ гармоническомъ организма нѣтъ случайного жеста.

Мы должны здѣсь назвать поэтическій организмъ нашей рѣчи—больнымъ организмомъ: не вся толща слоевъ поэтической формы съ одинаковымъ совершенствомъ и ясностью жестикулируетъ идеиному смыслу; въ стихотвореніи одного великана поэзіи намъ кричить ассоціансъ, намъ поютъ сладкоозвучно согласные звуки; и оно-же бѣдно динамическимъ ритмомъ при чудѣ метафоръ; стихотвореніе же другого гиганта, наоборотъ, сотрясается взрывами бѣщеныхъ ритмовъ, горить аллитерационнымъ огнемъ,—при наличии блѣднаго ассонанса и вялой метафоры. Соответствіе между смысломъ и жестами одной всего ткани, вплетенной въ составъ тѣла формы, на насть дѣйствуетъ, какъ воистину чудо. Мы въ себѣ не можемъ вызвать образа громового глагола корней и ритмическихъ молній, будь всѣ спои формы пронизаны до конца смысловыми совершенствомъ; говоря о сплѣніи содержанія съ формой, подъ содержаніемъ разумѣемъ мы еле-еле живущія клочья (часть содержанія собственно: переживанія, образы, чувства, импульсы, мысли); а подъ формою разумѣемъ опять таки еле дышащія клочья тканей; находя соответствіе съ содержаніемъ одного изъ слоевъ міра формы, заключаемъ къ единству всего міра формы со всѣмъ содержаніемъ; еслибы содержаніе и форму поэзіи брать въ ихъ дѣйствительномъ образѣ, никогда бы мы и не смѣли надѣяться на совпаденіе ихъ сполна у кого бы то ни было: Пушкина, Данте, Гете, Шекспира. Выпаденіе материала формъ и идей въ двѣ раздѣльныя вѣтви, или лучше сказать, разростаніе ихъ въ противоположныя стороны (какъ вѣтви и корни) при частичномъ ихъ совпаденіи въ жестѣ у величайшихъ художниковъ слова—есть эмпирическій фактъ, непріятный весьма для абстрактныхъ пріятій провозглашенаго лозунга о единствѣ; запищаемый лозунгъ они представляютъ не въ томъ вовсе видѣ, въ какомъ этотъ лозунгъ осуществляеть себя; насилие надъ фактами слова есть эстетизмъ, ибо все выпадающее содержаніемъ изъ частично понятой формы они отматаются, спасая неправильно понятый лозунгъ; наоборотъ: раціоналисты въ поэзіи, исходя изъ отсутствія явнаго совпаденія содержанія и формы, во всѣхъ смыслахъ взятыхъ,— отрицаютъ осмысленность формы; отрицаніе звукообраза приводить къ взятію за содержаніе только голой абстракціи. Содержаніе соизмѣряемо съ формою, пересѣкаемо съ ней въ рядѣ точекъ.

Совпаденіе двухъ прямыхъ линій въ двухъ точкахъ обязуетъ насъ къ заключенію, что прямые эти—одна только линія; совпаденіе

смысла съ ассоціансами—здѣсь, и ритмикой—тамъ,—совпаденіе это ведеть къ заключенію: содержаніе и формы—едины въ исконномъ, гдѣ они—формо-содержанія, звуко-мысли.

Это—первое слово о словѣ.

И, однако, намъ и звуки и мысли даны въ раздѣленности; расчлененная философія упирается въ терминъ; образованіе термина звукъ убиваетъ; а съ острія всей поэзіи истекаетъ безсмысленный тяжелогрохотный звукъ.

Разрѣшеніе противорѣчій о словѣ—въ признаніи, что нѣмая, незвукучная мысль звучна въ тайнѣ не скрывшихся звуковъ, а крикливы грохоты звуковъ не открыли еще своей мысли; и эта мысль въ нихъ, оккультично положена: два расщепа единаго древа пересѣкаемы въ насть, только въ насть; тайно данный намъ звукъ сочетается съ тайно данной мыслю виѣ мыслей и звуковъ, въ которыхъ себя мы находимъ, а въ мысляхъ и звукахъ, къ которымъ должны мы прити; выводы теоретической мысли о томъ, что она невыразима словами, ее подсѣкаютъ подъ корень; если смыслъ ея нѣмъ, для чего гносеологи пишутъ трактаты словами?

Въ культѣ мысли, какъ тайнѣ умныхъ дѣланій, правѣ и старцы и юги: созиданія мыслей въ себѣ, созиданіе мыслю себя,—вотъ во что превращается философія; характерно поэтому заявленіе философа Яковенко, что для его философіи онъ, философъ, Б. В. Яковенко—помѣха; и отсюда ужъ слѣдуетъ: изъ себя, какъ философа, надо выйти къ себѣ, не философу. Эти выводы мысли о мысли уличаютъ намъ мысли: эти мысли—не мысли, а—бредъ.

Выходы современныхъ поэтовъ о томъ, что выражимое слово—виѣ мысли, ихъ приводить къ сознанію: расширение выразительности слова—въ разбитіи коростовъ смысла, на насть отвердѣвшихъ; и предѣль выразимости звука-виѣ мысли развѣ что достижимъ нами явно въ поэмѣ на „собственномъ языке“:

„Дир булъ щыл убѣшиуръ“ и т. д.

Звучный звукъ отрицаетъ себя, какъ и мысль, виѣ какого то упражненія въ таинствахъ звука: звукъ и мысль, подзываая другъ друга, другъ въ другѣ кончаются; звукъ и мысль, раскололвшись другъ въ другѣ, другъ къ другу, однако, стремятся; звукъ и мысль, утверждая себя, убиваютъ себя: убивая себя, полагаютъ себя.

Гдѣ же выходъ изъ круга?

Въ выходѣ за предѣлы всѣхъ данностей; въ созиданіи нового міра словесныхъ рѣченій и смысловъ по образу бывшаго: въ актѣ творенія; о прежде бывшемъ мы знаемъ: о словѣ, которое было у Бога.

Въ невозможности сочетать звукъ и мысль, какъ они намъ даны, коренится неправильность пониманія единства. Мы разсудочной

категоріей, по существу механической, называемъ ростущую цѣлостность слова — единствомъ.

Гдѣ же единство многовѣтвистаго дуба? Въ корневомъ ли началѣ, въ вершинѣ ли? Обыкновенно жизнь дерева сосредоточена въ очень тонкомъ пластѣ межъ корой и толщею; въ древесинѣ, въ корѣ — жизни собственно нѣть; наша статика представлений о содержаньѣ и формѣ поэзіи суть кора съ древесиною; древесина есть толща формы; кора—покрывающій эту толщу поверхностный строй остановившихся мыслей; соединеніе формы и мысли (коры съ древесиною), одинаково, отлагающее внутрь — материю слова, во внѣ — содержаніе слова есть тонкій слой образовъ: промежуточный, живой слой, еле-еле уловленный, передаетъ водяное питаніе листьевъ отъ корня; черезъ него пробѣгаеть питаніе съ листьевъ къ корнямъ. Собственно содержанье и форма — не кора съ древесиною, а невидимые обыкновенному оку многолистая словесная кроня и словесное корневище; для узрѣнія многовѣтвистой древесной вершины необходимо усиливъ приподыманія глазъ: надо намъ приподнять въ себѣ вверхъ — выше, выше! — горизонтъ представленій о содержаніи слова; для узрѣнія многоцѣпкихъ корней необходима работа разрытия почвы; необходимо въ себѣ углубить — глубже, глубже! — свои представленья о звукахъ, чтобы открыть подъ хрустящею древесиною звука — звукъ, спаянный съ почвою. Представленіе о понятійномъ содержаньѣ поэзіи грубо въ насы, какъ кора; представленіе словеснаго звука въ насы еще материально; оно — древесинная толща; содержаніе — динамично, многовѣтвисто, тысячелисто, текуче и звучно; содержаніе неразрывно связано, скажемъ мы, съ зацѣпляющимъ вишеннымъ бѣлоцѣпомъ, съ цветами и съ пчелами на цветахъ; содержанія суть существа жизни, мысли, живыя, крылатыя, пѣвчія; форма связана съ многообразнымъ проростомъ корней, точно лапами вцепившихся въ почву.

Содержаніе и форма растущаго Слова (одновременно растущаго вверхъ и внизъ) — намъ дана въ направленіи совершенно обратномъ, чѣмъ плоскости пересѣченья ствола, а въ продольномъ сѣченіи огромнаго дерева; дерево въ поперечномъ сѣченіи — кругъ, глупый кругъ; между слоями коры и толщеи древесины круговая линія тканей и есть ихъ единство; пересѣченье ихъ — глупый кругъ! — не вскрываетъ единства, какъ жизни; еслибы изучить намъ жизнь листьевъ, не данную вовсе въ разрѣзѣ ствола, мы увидѣли бы притеканіе питательныхъ соковъ отъ пѣвчей крылатой Идеи въ подземные звуки корней; еслибы намъ изучить жизнь корней (ихъ въ разрѣзѣ ствола не откроешь), то увидѣли бъ мы притеканіе влаги подземной къ пѣвчemu смыслу листвы нашей мысли; и увидѣли бъ мы, какъ оно испаряетъ подъ небо изъ листьевъ исшедшую влагу, собирая подъ

небо громовое облако; роль корней и листвы въ испареніи влаги огромна; и подземный звукъ корня—внѣ-форменіе въ нашемъ смыслѣ, внѣ-содержателенъ—въ немъ же; и жизнь короны листьевъ, опять таки есть—ни форма, ни мысль въ нашемъ смыслѣ. Представленія о смыслѣ и формѣ за горизонтами данныхъ намъ и смысловъ формъ, формы, смыслы, сплетаясь внѣ настъ, образуютъ одинъ голый стволъ. Слово, данное намъ—голый стволъ, не проросшій корнями, листами; и по его перерѣзу должны мы судить о непонятныхъ, невскрытыхъ корняхъ и вершинахъ; представленіе о смыслѣ поэзіи, третій смыслъ, намъ дается сперва кое-какъ уловимою линіей круга: разрѣзомъ текущихъ сосудовъ; соки жизни поэзіи протекаютъ чрезъ стволъ вверхъ и внизъ.

Слово—цѣльное древо: и листья (идеи) и корни (шевучіе звуки) суть часть многочастности; наши абстракціи о словесномъ единствѣ, погружаемы въ мощную цѣльность; въ ней они—не они; въ ней они—образъ дерева. Въ глубинѣ корней дерева постигается мощь притекающей лиственной пищи—свѣтлой, выспренной, горней; въ вышинѣ лишь идея постигаема глубина корневищъ по обилію жизненой влаги, оттуда текущей. Слово здѣсь, какъ и тамъ—духовная жизнь: внутри настъ.

Слово есть дерево жизни: мы же сами суть Слово; и въ корняхъ, и въ вѣтвяхъ прободаетъ оно нашу самость въ огромность космической жизни; испареніе листьевъ сгущаетъ намъ облако; пролитою изъ облака влагою корни питаются. Въ этомъ дальнемъ, объемлющемъ словѣ нѣть мысли, нѣть плоти, нѣть настъ въ нашемъ жизненно-проростающемъ смыслѣ: мы встрѣчаемъ себя, вознесенными въ Жизнь. Слово-Плоть—вотъ послѣдняя тайна и слова, и звука: и листьевъ, и корня.

Всѣ слова, передъ нами лежація, намъ даны въ раздѣленіѣ, въ расщепѣ, въ разрѣзѣ: ощущимая, явная мысль; но она—намъ кора; ощущимая звучная толща, она—древесина; лишь въ заданіи данъ тонкій слой, но—живой: совпаденіе смысловъ въ чуть-чуть уловимомъ и третьемъ.

Весь нашъ экскурсъ читателю долженъ явить кругъ немногихъ намековъ: существующія совпаденія; совпаденіе въ малыхъ точкахъ словеснаго смысла и звука есть знакъ намъ о томъ, что путь снова—далекъ; и постигается онъ не во внѣшне-словесной культурѣ, а—во внутреннемъ прославленіи Лика и Имени Слова; безъ инспираціи, безъ интуїціи передъ нами лежащее слово воистину не возстанетъ изъ мертвыхъ: не процвѣтеть жезль словесный.

Изученіе структуры словесныхъ разрѣзовъ на данныхъ словесныхъ стволахъ укрѣпляетъ сознаніе наше въ надеждѣ, что есть

таки корень; отъ ощущенія корня идемъ мы сквозь корень до съмени, изъ котораго корень всталъ и котораго не вернуть; многоствольное и дуплистое древо воистину не сжимаемо въ съмѣ: первоначальное Слово, рожденное въ Богѣ, убито, расщеплено; мертвениющій стволъ оживляемъ чуть чуть круговою и тонкою линіей соковъ и влаги; влага мудрости древняго, ветхаго слова бѣжитъ отъ корней; соки пищи спускаются сверху: отъ невидимыхъ листьевъ въ неявленномъ внутреннемъ Словѣ; осознать соки листьевъ и значить: родить въ себѣ Слово, впервые увидѣть верха своихъ собственныхъ словъ, гдѣ бѣгутъ бури вѣтра и брыжжутся молніи смысловъ, доселѣ скрытыхъ отъ насть; и до самаго ветхаго корня, до влаги подземной, до темнаго ритма—доходить питаніе листьевъ, шумъ вѣтра и сладкие сирены звуковъ; поднимается влага: пульсируетъ ритмомъ; и отъ этого живой слой на стволѣ—образъ слова—во вѣтѣ отлагаетъ кору дневныхъ смысловъ; во внутрь—древесину изъ звуковъ; и жизнь древесины есть тѣнь жизни образа: смыслъ его—не въ корѣ и не въ толщѣ; онъ—въ пище свыше. И прилетаютъ пчелы въ высь листьевъ къ цвѣтку: и—переносять пыльцу, чтобы грядущее съмѧ, предъ тѣмъ, какъ созрѣть и упасть, проростая,—высоко-высоко-высоко, подъ солнцемъ качалось и медленно зрело въ цвѣткѣ.

Выростить въ себѣ цвѣтокъ новаго Слова,—значить выйти изъ круга коры, древесины—изъ круга трескучаго звука, изъ круга корявыхъ понятій; въ типинѣ утопить звуки словъ и содратъ съ себя ветхіе смыслы понятій, чтобы по тонкому слою живой ткани внутреннихъ образовъ приподняться до кроны.

Нуженъ подвигъ молчанія: онъ—ростить древо словъ.

Пѣвчимъ свѣтомъ алмазно заиндивѣль  
Надо мной древословный навѣсь,  
И страна моя, Бѣлая Индія,  
Преисполнена тайнъ и чудесъ.

(Н. Клюевъ).

### *Аароновъ Жезлъ.*

Слово-собственно—внутренно. Его смыслъ по отношенію къ дневнымъ смысламъ есть музыка; она кажется намъ вулканическимъ пламенемъ, бьющимъ подъ коростомъ формы; излетаніе новаго звука невнятнаго смысла—преждевременно въ насть: вулканическій взрывъ разбиваетъ всѣ корости формы, взлетая подъ небо сознанія ужасающій, дымною, звуковою струею; слишкомъ раннее возгараніе словъ

не проплавить еще щлаки формы вылетая изъ трещины, они будутъ намъ камнями; жарь духовный въ неодухотворенной душевности замутить атмосферу сознанія нашего; слишкомъ раннее истеченіе звука Словъ изъ теплицы молчанія только—„выкидышъ“, „недоносыокъ“; такой „выкидышъ“—футуризмъ; все убожество футуризма въ его появленьѣ на свѣтъ до истеченія сроковъ. Темнота звуковыхъ голосовъ до времень созрѣванія новаго, третьяго, смысла изъ нихъ, все же даръ. Отраженіе Духа во плоти возможно лишь въ соотвѣтствіи статической линіи образа въ линіи духовной динамики; соотвѣтствіе можетъ быть, если Духъ воплотиться въ нашъ внутренний обликъ; соединеніе духовности съ напись внутреннимъ обликомъ оживляетъ намъ душу; постигается мимика облика въ проростаніи внутреннихъ жестовъ, и поющая музыка въ насъ суть они; материальное выраженіе музыки—пульсы влитаго ритма въ ткани формы: въ мускулатурѣ метрическихъ формъ, въ выдыханіи гласныхъ, въ скелетѣ согласного звука! Собственно говоря: на болѣе безсознательный и казалось бы, материальный центръ звука—ритмъ—есть проекція внутренней музыки, вѣматериальной, конечно; окостенѣніе ритмики метромъ есть первое уплотненіе органики звуковъ въ механику; матерія—механически обоснова; ее нѣтъ какъ матеріи собственно; и матерія формы стиха по существу есть механика тоже; механический взглядъ—это взглядъ искаженного духа; материализмъ есть болѣзнь жизни духа; разстройство кординаціи между духовными центрами; безсознательность коростовъ матеріи формы—застарѣлое недомоганіе слова; между внутреннимъ словомъ и крикомъ положена грань изъ мелодіи жестовъ и мимики моего духовнаго; непроницаніе формы жестомъ и жеста духовностью вызываетъ стремленье къ умѣнію приводить слова въ мимику, въ жесты: отысканіе соотвѣтствій межъ смысломъ и звукомъ—итоги духовнаго знанія; преждевременный звукъ—нервный тикъ; онъ—невольная пародія смысла: онъ—неузнанный, неоткрытый языкъ; жестикуляція, мимика въ немъ дана подъ покровомъ болѣзни, хотя бы „священной“ болѣзни: оттого то и говорить намъ апостолъ съ огромною кротостью: „Теперь, если я приду къ вамъ, братія, и стану говорить на незнакомыхъ языкахъ, то какую принесу вамъ пользу, когда не изъяснюсь вамъ или откровеніемъ, или познаніемъ, или пророчествомъ, или ученіемъ? И бездушныя вещи, издающіе звуки, свирѣль или гусли, если не произносятъ раздѣльныхъ тоновъ, какъ распознать то, что играютъ на свирѣли или на гусляхъ?.. Сколько, напримѣръ, различныхъ словъ въ мірѣ, и ни одного изъ нихъ нѣтъ безъ значенія. Но если я не разумѣю значенія словъ, то я для говорящаго чужестранецъ, и говорящій для меня чужестранецъ... А потому говорящій на незна-

комомъ языкѣ, молись о дарѣ истолкованія. Ибо когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, то хотя духъ мой и молится, но умъ мой остается безъ плода. Что же дѣлать? Стану молиться духомъ, стану молиться и умомъ; буду пѣть духомъ, буду пѣть и умомъ” (I къ Кор. 6—15). Здѣсь даны языки: внутренний, обращенный къ Духу, и—внѣшний, переводящій рѣчь Духа (и къ Духу) въ языкъ, намъ доступный; установлена связь между нами: переводъ здѣсь возможенъ; пропади намъ возможность—два слова стоятъ передъ нами: слово въ насъ и—внѣ настѣ, перенесеніе внутреннихъ словъ въ формы внѣшнихъ въ связи между нами есть поэтому звукъ пустой, уподобляемый звуку бездушныхъ предметовъ. Отсутствие связи—въ болѣзни; въ непринятіи внутреннихъ словъ жестомъ, мимикою душевныхъ движений; если Духъ овладѣть душой, то—связь возстановится и духовное слово вольется сквозь душу во внѣшнее слово; такъ звуки осмыслятся тремъ именемъ, смысломъ. Показательно намъ строеніе рѣчи библейской: Имя Божіе тамъ проросло въ звуки корня; и корни—духовны, священны; еслибы не было факта еврейскаго языка, еслибы Павелъ не былъ евреемъ, мы могли бы понять рѣчи Павла—абстрактно въ такомъ смыслѣ онъ—апелляція къ здравому смыслу ходящаго слова. Но ходячій смыслъ слова убить философской абстракціей; въ номенклатурѣ понятій, въ структурѣ понятій сосредоточенъ логической смыслъ; уразумѣніе звуковъ словъ—ужъ не въ здравомъ, житейскомъ, а въ философско-научномъ, критическомъ смыслѣ; на остріѣ философіи этотъ смыслъ отрѣзается отъ слова себя. Онъ опять-таки—внутренний: выраженіе въ понятійныхъ смыслахъ гносеологическихъ смысловъ эмблематично еще „понятіе“ въ словѣ—нечисто: проницаніе въ мыслительныхъ смыслахъ апеллируетъ къ упражненію, къ очищению понятія и развитию мощи внѣ словъ протекающей мысли; современная философія въ Гусерль полагаетъ мысль интуиціей; но положеніе это формально: постиженіе интуиції мысли лишь въ опытѣ творчества мысли гдѣ мы входимъ воистину въ существо жизни мысли. Требуется оживленіе ритмики мысли, динамики мысли; мысль въ „понятіяхъ“—статика: слѣдуетъ воскresить ея жесты, слѣдуетъ уразумѣть лики собственно-мысли; на вершинахъ познанья, какъ тамъ—въ подсознаніи звука, приходимъ къ тому же: къ тайному существу жизни мысла. Этотъ смыслъ жизни есть Духъ; и поэтому даже жестъ жизни звука—духовенъ. Соединеніе внутреннихъ мыслей и словъ воедину въ упражненіе особаго рода: въ немъ мы опытно учимся, что понятія наши и звуки проекціи цѣльности; цѣльность двухъ развѣтвленій абстрактно положена въ мысли о сочетаніи содержанья и формы. Еслибы мы смогли вдругъ пресечь всѣ потоки словеснаго звука, угашеніе звуковъ бы

намъ отразилось въ пульсациі ритмовъ; наше горло, слагая беззвучно слова, взрыло-бъ намъ подсознаніе; и подсознаніе наше слагало-бъ ритмично беззвучность кипѣнія жизни въ насть; пульсациі сердца намъ стала бы ритмикой; еслибъ мы усиліемъ воли остановили вибраціи горла, то музыкальное разряженіе нашихъ внутреннихъ звуковъ и ритмовъ осознали бы мы напряженіемъ особаго рода, напряженіе зажило бъ въ насть намъ доселѣ едва только вѣдомо жизнью: музыка пресуществилась бы въ насть, какъ въ молчаньѣ рождаемый жестъ: и онъ—образъ звука; изучая жизнь, внутреннихъ образовъ, изучалибы мы тайны безмолвій, потому что тайное вѣшнаго звука—душевная музыка; преждевременное изліянье на слово ея—есть „romance sans paroles“; молчаніе музыки—жесты. Преждевременное ихъ изліяніе во вѣтѣ—танецъ тѣла, а тайное танца—стремленіе преждевременно воплотить жестъ неузнанной цѣльности: уподобленіемъ тѣлеснаго выраженія выраженію скрытаго Лика; еслибъ мы сумѣли въ себѣ подавить всякий жестъ, напряженіе въ насть развивало бы намъ центръ нашего жестикуляціоннаго міра; центръ въ насть ожиль бы, и—говоря аналогіей сталъ бы онъ мимикой: мимикой вставшаго Лика; мы узнали бы внутренно, что всѣ звуки—покровы, что музыка—тѣло, что жесты—жизнь этого душевнаго тѣла; въ насть мы узналибы, что мимика лица, суть муки рожденія: суть прорѣзы чистаго Духа въ покровы душевности рѣчи Духа душѣ, это—взглядъ безъ единаго слова; жизнь взора; духовное око въ душѣ открывается лишь тогда когда наша душа научится молчать.

Свѣточъ „ока“ и есть слово звука.

Оно раздается внезапно: въ немъ мысли и звуки единство.

Мы его произносимъ свободно: произнесенное такъ, оно—Мудрость.

Произнесенная Мудрость—въ началѣ рожденія Слова: оно—сѣмя Слова; произрастаніе словеснаго древа—языкъ. Но вѣнецъ роста древа есть цвѣтъ жизни древа: и этотъ цвѣтъ—лишь сложеніе новыхъ покрововъ подъ сказаннымъ пологомъ; есть моментъ въ жизни словъ, когда вся эта жизнь напряжена для рожденія: расчененные смыслы суть листья; смыслъ единый—смыслъ сѣмени—произрастаетъ въ многовѣтвистости языковъ: въ тысячелистіяхъ словъ; но эти листья суть средства къ снабженію сокомъ словеснаго древа; когда приняты соки, они отливаютъ отъ листьевъ; и—наливаются сѣменемъ; между вѣточкой и листомъ образуется въ черешкѣ перемычка; не пропускаеть къ листу она влагу корней; листья сохнуть; засохнувшіи отпадаютъ; а плодъ—наливается многообразіемъ будущихъ языковъ, тысячелѣтіемъ словъ; въ этомъ образѣ засыханіе слова—великолѣпно, торжественно:

Люблю я пышное природы увяданье,

Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса.

Багрецы высыхающихъ смысловъ и есть философія; изъ миѳической зелени образуется осень абстракцій: разсудокъ—древесный багрецъ и исторія философіи рдѣеть терминологической сушью; великая красота ея въ томъ, что внѣ листьевъ ея уже зрѣеть зерно, изъ которой встанетъ намъ нѣкогда новое древо поэзіи; въ тысяча-лѣтніи багрянородного дерева раскрыта, сказалась вся Мудрость когда-то рожденного слова; и не сказалась еще тайна Мудрости новорожденныхъ, младенческихъ словъ, почюющихъ стыдливо въ душѣ.

Признаваніе термина лишь техническимъ средствомъ науки не имѣющимъ никакого иного значенія, показуетъ наглядно: разсудочный смыслъ облетѣлъ; онъ—невнаташа шероховъ:

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.

Смыслъ „понятійной“ жизни мысли оконченъ: онъ—мертвый; глоссолалия же футуристическихъ звуковъ — срываніе плода дерева словъ, дерева смысловъ для корыстнаго, плотояднаго пояденія матеріи звука; всякий плодъ — оболочка: въ плодѣ живеть сѣмя; подъ оболочкой изъ внутренней музыки скрыты жесты и мимики юныхъ смысловъ грядущаго, мудраго дерева; и вотъ музыку, мимику, жесты намъ слѣдуетъ укрѣпить въ плодородной землѣ тишины; и тогда лишь подымется слово — воистину новое слово поэзіи. Въ немъ по новому соединяются три смысла: миѳологический, логический, звуковой — въ новое раскрытие Мудрости.

Аароновъ Жезль — процвѣтетъ.

*Андрей БѣлыЙ.*

1917 г.